

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 1

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(книжная и народная лексика
в истории славянских литературных языков)

Москва 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 1

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(книжная и народная лексика
в истории славянских литературных языков)

Москва 1975

Редакционная коллегия: Е.И.Демкина, Н.И.Толстой,
Р.М.Цейтлин

© Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка АН СССР

С.А.Аверина

К изучению лексического состава переводных житий

1. Задача сообщения - анализ лексической системы древнеславянского перевода на примере "Жития Епифания Кипрского" (ЖЕ) по списку XIII в. с целью выявления такой лексики, которая могла бы определенным образом свидетельствовать в пользу ижнославянского или восточнославянского происхождения перевода.

Анализ славяно-греческих параллелей ЖЕ и лексических вариантов, характеризующих кирилло-методиевскую и симеоновскую редакции древнеславянского перевода, показывает одинаково свободное использование переводчиком вариантов той и другой редакции различных тематических групп лексики: греч. μίστημα : кир.-метод. въскръсноути ; симеон. въстати; ЖЕ: въскръсноути, въстати...; апостольская: посыла-ти, поустети; посыла, поусти, поущоу...; ταῦτα : дивити (са) чудити (ст); дивлю са, чуди са... Выбор в качестве славянского эквивалента одной из ряда возможных лексем всегда производится в пользу немаркированного члена синонимического ряда, т.е. лексемы, известной о б е д и редакциям древнеславянского перевода: γέρως аггель ↔ вѣстьникъ, ангель, англи...; δόξα : слава-слава, хвала.

Когда выбор производится в пользу одной из лексем, очевидно известное стремление переводчика к преимущественному использованию одних лексем и сознательному устранению других, что может явиться отражением специфических черт языковой среды, связанной с возникновением перевода: ζωή : животь, житие; зибить, житие (никогда жизнь); νῆσος : отокъ, островъ; островъ, въ островъ (никогда отокъ); εσθῆ : одежда, сутвадение, сутварь; только одежда.

2. Как видно, интерпретация только лексического материала позволяет сделать выводы самого общего характера и не дает достаточно конкретных доказательств для подтверждения или опровержения одной из гипотез. Аналогичным образом, не приводит к положительным результатам попытка использования синтаксического критерия в качестве единственно надежного при разграничении текстов восточнославянской и южнославянской редакции (Г.Бройер).

Возникающие затруднения объясняются прежде всего сложностью методологического решения ряда общих вопросов исторической лексикологии, в том числе связанных с определением полного объема основного лексического фонда древнеслав. литературно-письменного языка (Д.С.Ищенко), выявлением характерных особенностей его лексико-семантической системы и т.п., но, в известной мере, обусловлены и самим характером древнеслав. литературно-письменного языка. Общепризнанная точка зрения на древнеслав. литературно-письменный язык как единий литературный язык, распространенный среди южных, восточных и западных (только в ранний период) славян, начиная с XI в. (Н.И.Толстой, М.М.Копыленко, Н.А.Мещерский), предполагает относительно незначительную степень его диалектной дифференциации, что, естественно, затрудняет выявление местных диалектных элементов в древнеписьменных текстах. Значительные сложности при обнаружении специфической диалектной лексики обусловлены также жанром произведения.

3. Все вышесказанное заставляет предполагать наиболее целесообразным для решения поставленной задачи комплексное изучение фонетико-морфологической, лексической и синтаксической характеристик переводного текста (и текста оригинала) с непременным учетом жанрово-стилистических особенностей произведения, всего того, что М.Н.Сперанский называл "общим строем произведения".

В. В. Аниченко

О белорусском и украинском типах книжнославянского языка

Исследователи книжнославянского языка различают разные его типы или редакции: русский, болгарский (среднеболгарский), сербский, словенский, хорватский (сербско-хорватский, хорватско-глаголический), чешский, моравский (чешско-моравский, хорватско-моравский), украинский и даже румынский (А. Вайнин, М. Вейнгарт, П. Дильс, Х. Г. Ланг, А. М. Селищев, Н. С. Трубецкой). В последнее время было высказано достоверное мнение о наличии в Белоруссии на протяжении XV-XVI вв. белорусского типа книжнославянского языка (А. И. Журавский).

Белорусский и украинский типы книжнославянского языка заметно отличались от русского тем, что они, хотя и сыграли известную роль в развитии и обогащении литературно-письменного языка белорусов и украинцев, не имели такой сферы употребления в Белоруссии и на Украине, как в древней Руси, где он был фактом глубокого прогрессивного значения. Появление в Белоруссии и на Украине старопечатных книг с параллельными книжнославянскими и переводными текстами в лингвистической литературе отмечается как особенность, неизвестная "ранее во всем "греко-славянском мире" (Н. И. Толстой).

Однако книжнославянская традиция не была такой устойчивой на белорусской территории, как на украинской. Это особенно заметно при сравнении текстуально совпадающих старобелорусских и староукраинских памятников, созданных на протяжении небольшого отрезка времени. Показательное сопоставление украинских списков Василия Іугаева из Ярославля-Галицкого, возникших в 1568 г. на основе скорининских печатных книг "Премудрость божия", "Песни песней", "Причины царя Соломона", "Сирах", "Еклезиаст", "Иова" (1517-1519 гг.).

Еще в дореволюционное время было высказано мнение, что рукописные списки Іугаева не представляют ничего особенного по сравнению с печатными изданиями Скорины, за исключением отступлений в правописании и замены в предисловиях и послесловиях имени Скорины своим именем (П. В. Владимиров, Е. Ф. Кар-

ский). Такое заключение нельзя считать достоверным уже потому, что при характеристике печатных изданий Скорины и рукописных списков Жугаева эти исследователи в своих выводах основывались на выборочном фактическом материале, не обращали внимания на совокупность языковых фактов, начиная от графики и кончая лексикой.

Основные орфографические и грамматические нормы, характерные для эпохи Скорины и конфессиональной литературы, были унаследованы Жугаевым в своих рукописных списках, но он нередко нарушал языковые нормы своего предшественника, не сближал их с народно-разговорной речью, как к этому стремился Скорина, а возобновлял книжнославянскую традицию. Такие отступления наблюдаются и в лексике.

В одних случаях некоторые слова скорининских изданий, в той или иной мере характерные не только для литературно-письменного языка, но и народно-разговорной речи белорусов, заменены Жугаевым соответствующими архаическими лексемами: целя, для-ради, естьли-ашели, я-азъ, поити-грядеть, которы-кои, учнити-створити, всегда-внегда, двадесять-дванадесять. В других случаях Жугаев изменял внутреннюю форму слов, заметно отличающихся от скорининских изданий: кажды - кажды, если-есмы, покуле-покы, матки-матери, крашля-каля.

В языковом отношении рукописные списки Жугаева стоят ближе к "Острожской библии" (1581 г.), чем к библейским книгам Скорины. Свидетельством этого является тот факт, что издатели "Острожской библии", как и Жугаев, вносили известные правки в скорининские тексты, возобновляя при этом нормы книжнославянского языка.

Книжнославянская традиция по-разному отражалась и в других жанрово-стилевых разновидностях переводной конфессиональной литературы, созданной в Белоруссии и на Украине в древний период. Достаточно сравнить белорусский (конец XVI в.) и украинский (1609 г.) списки "Исаиятыри", которые не представляли единства в отношении отражения в них традиционно книжных и общенародных слов. Многие слова так называемого "простого" языка, использованные в белорусской рукописи, за-

менены в украинской соответствующими книжнославянismами:
велми-вело, воина-брانь, вхозати-съхранити, говорити-глаголати, ливъ-чудо, если-аше, костель-церковь, нехай-да, поганове-языци, приповесть-притча, исль-священникъ, смутокъ-скорбъ, сюди-семо, туды-тамс, оумощнене-утверждение и др.

Более свободное употребление книжнославянismов на Украине, чем в Белоруссии, вероятно, было обусловлено тем, что на значительной части украинской территории, благодаря ее соседству со славянским Ютом, а также миграции в ХУП р. центров православной культуры (Вильнюс-Киев), возрождались в церковно-религиозных памятниках книжные традиции в связи с активным сопротивлением украинского народа польско-католической агрессии. Менее последовательное сохранение книжнославянских элементов в белорусской переводной конфессиональной литературе, видимо, было связано с тем, что православие в Белоруссии не переживало тогда такого подъема, как на Украине.

Соотношение книжной и народной лексики в украинских и белорусских церковно-религиозных текстах свидетельствует о том, что в пределах Украины и Белоруссии различались два типа книжнославянского языка, причем первый из них стоял ближе к русскому типу с достаточно устойчивой книжнославянской традицией, а другой находился в стадии децентрализации.

Е.Н.Борисова

О соотношении русской и церковнославянской лексики
в смоленской деловой письменности второй половины
ХVI-ХVIII вв.

В исследованиях, посвященных вопросам, связанным с процессом формирования общенационального русского литературного языка, неоднократно обращалось внимание на большую роль, которую сыграл в этом процессе язык деловой письменности.

Анализ соотношения русской и церковнославянской лексики в памятниках региональной деловой письменности дает возмож-

ность сделать прежде всего общий вывод о преобладании в исследованных источниках русской лексики, причем в большей степени этот вывод относится к памятникам конца XVI–XVII вв. Смоленская деловая письменность XVI в. отличается от предшествующего периода и характером соотношения в ней русской и церковнославянской лексики: в ней находят отражение те неполногласные лексические элементы, которые закрепились к этому времени в национальном литературном языке в качестве общеязыковой нормы. Таким образом, язык региональной деловой письменности отражал общую тенденцию русского литературного языка исследуемой эпохи – стремление к ограничению книжнославянских лексических средств и расширение сферы народнолитературного типа языка.

Рассмотрение соотносительных неполногласных и полногласных образований позволяет сделать заключение о преобладании в смоленской деловой письменности полногласных форм. Целый ряд полногласных слов выступает в смоленских деловых памятниках без своего неполногласного варианта. При наличии обеих параллелей в подавляющем большинстве случаев отмечаем стилистическое разграничение неполногласных и полногласных соответствий. В этом плане памятники отличаются от летописных памятников исследуемой эпохи, от исторических новостей, в которых, по наблюдениям многих исследователей, нашли отражение многочисленные примеры немотивированного употребления неполногласных и полногласных лексических вариантов. Примеры безразличного использования церковнославянского и русского слов в смоленской деловой письменности немногочисленны, причем в большинстве своем в качестве неполногласных вариантов в этих случаях выступают такие церковнославянские по происхождению слова, которые, как установлено исследователями, бытовали уже в разговорном языке образованных людей древней Руси.

Анализ противопоставлений чисто лексических также позволяет говорить о преобладании в языке смоленской письменности русских параллелей и об отсутствии в составе многих пар церковнославянских по происхождению коррелятов. Вместе с

тем использование отдельных из церковнославянских лексических параллелей в народно-разговорной речи, нашедшей отражение в памятниках смоленской деловой письменности XУШ в., т.е. в тот период, когда эти элементы приобрели характер стилистических вариантов, а также наличие их в современных говорах свидетельствует о неодинаковой судьбе старославянизмов в словарном составе русского литературного языка, с одной стороны, и в народно-разговорном языке – с другой.

Определенный интерес представляет наличие в региональной деловой письменности церковнославянских по происхождению слов в таких значениях, которые не были присущи им в книжнославянском языке. В связи с этим можно говорить об отражении в деловой письменности периода формирования общенационального русского литературного языка характерного для народно-разговорного языка своеобразного процесса приспособления старославянской лексики. Это приспособление выражалось, во-первых, в семантическом переосмыслинии старославянизмов, в приобретении ими новых значений, не свойственных церковнославянскому источнику.

А.Н. Булыко

Старославянская лексическая струя в словарном составе старобелорусского языка

1. Словарный состав старобелорусского литературно-письменного языка, как и лексические системы других восточнославянских языков, в процессе своего развития испытывал определенное влияние со стороны старославянского языка.

2. В ранний период своего развития старобелорусский словарь характеризовался наличием значительного количества старославянизмов, унаследованных от древнерусской эпохи. Среди наиболее употребительных в письменности XI–XУ вв. лексем старославянского происхождения следует отметить такие, как алканье, бездна, благословити, буцущий, вежлы, воскресение, врата, единий, жертвা, зане, злато, мэда, срэмъ и др.

Они были характерны не только для памятников религиозного содержания, но и для светской литературы. Например, в Виленском и Уваровском списках белорусских летописей конца XV в. рядом с древнерусскими и белорусскими словами встречаются лексемы типа азъ, елико, знамение, зело, семо. Старославянская струя усиливается здесь за счет неподногласных форм (бракъ, брегъ, власть, глава, граль, злато, младни, срамъ), написанный ж и щ на месте общеславянских ij и tj (надежда, хождение, ночь, помощь).

3. Дальнейшее развитие лексической системы белорусского языка характеризовалось сужением в ней старославянской лексической струи. Это было вызвано прежде всего ограничением сферы употребления старославянского языка в Белоруссии, которое наступило в условиях изоляции белорусских земель от Московской Руси – тогдашнего центра православия и популяризации церковнославянской литературы среди восточных славян. В то время как в Московском государстве старославянский язык являлся не только языком церкви, но выполнял значительную роль в образовании русского литературного языка, обогащая его большим числом слов и на протяжении столетий обогащал разнообразные литературные жанры, в Белоруссии даже в религиозную сферу широко проникал белорусский язык. Этому содействовало как распространение на белорусской территории идей реформации, сторонники которой разрешали использовать народный язык в церковных делах, так и пример многих европейских народов, уже в XVI в. имевших книги священного писания на народном языке.

4. В первой половине XVI в. белорусские лексические особенности все чаще проникают в религиозные памятники. Постепенно процесс демократизации лексики широко охватил и канонические тексты (псалтыри, евангелие, апостол и др.), язык которых всегда отличался особенной консервативностью. Появилось значительное число религиозных произведений этого ряда не только с отдельными признаками живых белорусских говоров, но и полностью на белорусском языке лишь с немногочисленными церковнославянismами, например, некоторые биб-

лейские книги в Сборнике начала XVI в. № 262, Псалтырь середины XVI в. № 335, "Катехизис" С. Будного (1562) и др. Однако ни в одном письменном памятнике XVI в. сужение старославянской лексической струи не достигло такой степени, как в изданном около 1580 г. "Евангелии" В. Тишинского. Здесь получил свое завершение неуклонный процесс, который постепенно привел к кризису на белорусских землях старославянского языка и расширению за его счет общественных функций белорусского языка.

5. Лексика белорусских конфессиональных памятников конца XVI – начала XVII в. характеризуется уже своей относительной стабилизированностью. Именно к этому времени относится расцвет древнего белорусского книгопечатания. Старославянские лексические элементы занимают незначительное место в белорусских печатных книгах, хотя в области орфографии и грамматики здесь замечается некоторая архаизация. Правда, в отдельных книгах, например, в "Казании Кирилла" (1596), довольно часто встречаются старославянизмы типа бражно, крепость, окаянний, прелесть, распятие, что объясняется стихийным лексическим отталкиванием автора от польских текстов. Еще менее проницаемыми для старославянской лексики оказались рукописные конфессиональные памятники того времени. Только в незначительной мере используются старославянизмы авторами светских произведений. Почти отсутствуют они в деловых письменных источниках. Этим белорусский литературно-письменный язык древнего периода отличается от русского, где старославянская лексика неизменно продолжала употребляться, составляя значительный слой в словарном составе литературы разных жанров.

6. В середине XVII в. в связи с упадком белорусского литературного языка и появлением у восточных славян многочисленных практических пособий по церковнославянскому языку наметилось некоторое оживление старославянанизмов в белорусской письменности. Однако существенных изменений в словарный состав языка оно не внесло, о чем свидетельствует современное состояние белорусской лексической системы, где слой старославянанизмов незначителен.

Проблема соотношения книжной и народной лексики
на начальном этапе становления современных славянских литературных языков (типологический аспект)

Широкое проникновение народной лексики в язык письменности, с одной стороны, стремление к сохранению определенного круга традиционной книжной лексики, с другой, — две стороны единого процесса формирования лексической нормы, характерного для всех славянских (и не только славянских) литературных языков на начальном этапе их становления, в частности, для литературно-языковой ситуации XVI-XVII вв. в ареале православного греко-славянского мира.

Процесс этот при всем своеобразии конкретного решения вопроса о соотношении книжно-славянских и народно-разговорных элементов не только в рамках отдельных формирующихся славянских литературных языков, но и в рамках творчества конкретных писателей и в различных жанрах словесности, имел много общих закономерностей. Уже отсюда вытекает принципиальная важность типологического подхода к исследованию этого явления.

В свою очередь, подобное сравнительно-типологическое исследование предполагает предварительное изучение проблемы соотношения книжной и народной лексики в рамках конкретных славянских языков и, уже, в языке произведений великих писателей данного периода, которое строилось бы по определенной программе, содержало постановку ряда однотипных задач и единые методы их решения. Назрела необходимость серьезных размышлений в данном направлении, попытки определения круга задач, решение которых в дальнейшем могло бы составить основу типологической характеристики процесса становления лексической нормы и, шире, процесса становления нормы в истории славянских литературных языков.

Осуществление единой программы исследования позволило бы в какой-то мере избежать характерного для современного состояния разысканий в данной области спонтанного, спречеляемого

интересами того или иного исследователя рассмотрения данного круга вопросов, ввести каждое из таких частных исследований в контекст решения большой общей задачи.

Разработка такой программы - дело очень сложное, требующее учета своеобразия соотношения книжных и народных выразительных средств на отдельных этапах истории литературного языка данного народа, в творчестве конкретных писателей и в различных жанрах словесности и, вместе с тем, выявления тех узловых моментов, тех вопросов, с которыми сталкивались в своей оригинальной и переводческой деятельности книжники разных областей славянского мира и при решении которых вставала проблема выбора между традицией и живой народно-разговорной нормой. Определение сходств и различий в решении этих узловых вопросов и может лечь в основу будущих типологических обобщений.

Выбор между книжно-славянской и народной лексикой, очевидно, определялся той функциональной нагрузкой, которую, в представлении того или иного книжника, они (а также их соположение) должны были нести в тексте. Таким образом, в основу типологической характеристики процесса становления лексической нормы славянских литературных языков, на наш взгляд, должны лечь данные о функциях книжно-славянских и народных лексических элементов в ткани конкретных произведений, дополненные данными статистического анализа и описанием круга отраженной в них книжной и народной лексики.

Цель настоящего доклада прежде всего в том, чтобы привлечь внимание к возможности подобной (достаточно дискуссионной) постановки вопроса.

Кроме того, в докладе обосновывается целесообразность включения в программу предлагаемого исследования процесса становления лексической нормы славянских литературных языков некоторых вопросов, ответ на которые бросает свет на функциональную нагрузку в тексте исследуемых элементов, на принципы решения проблемы выбора между ними. В частности, представляется важным ответ на такие вопросы, как:

I - зависимость выбора между книжно-славянскими и народ-

но-разговорными лексическими средствами от существующей в обществе социолингвистической нормы, утвердившихся представлений о социально корректном высказывании и необходимости ломки таких представлений (язык протопопа Аввакума – язык болгарских дамаскинов XVI в. – язык "Нягоевских поучений на Евангелие");

2 – обусловленность решения проблемы выбора между книжно-славянскими и народно-разговорными лексическими средствами жанром произведения и, уже, спецификой отдельных контекстов в рамках одного произведения (религиозно-философские жанры, агиографическая литература, исторические повести и под.);

3 – обусловленность выбора между книжной и народной лексикой наличием в данный период у данного народа ситуации гомогенного двуязычия (типа традиционный литературный язык – народный язык) и ее оценкой конкретным книжником (деятельность протопопа Аввакума – деятельность болгарских книжников XVI в. – памятники украинской письменности XVI в.);

4 – решение вопроса о выборе между книжными и народными лексическими средствами и их соположении в тексте в связи с определенным стилистическим заданием высказывания:

- а) стилистически "нейтральные" контексты,
- б) стилистически окрашенные контексты:

- 1) соположение книжных и народных элементов служит целям создания приподнятого, торжественного стиля изложения (ср. у Аввакума, в языке дамаскинов XVI в.),
- 2) соположение книжных и народных выразительных средств служит целям достижения ярко эмоционального (например, комического) эффекта (ср. русскую сатирическую прозу XVI в.);

5 – решение вопроса о выборе книжных или народных лексических средств в случаях их самостоятельного, изолированного употребления или в случаях использования этих лексем в составе готовых "блоков", устоявшихся штампов;

6 – вопрос о "живании" славянизма или народно-разговорной лексемы в тексте, степени их усвоенности в свете грам-

матического оформления высказывания;

7 - вопрос о возможности создания новых, неизвестных наречному языку слов по наречной словообразовательной модели, но для выполнения собственно книжной функции (ср. употребление в языке болгарских ламаскинов отлагольных существительных на нїе типа крайводуманїе, залудопочитанїе, файлазамекїе, ком'суванїе и др.).

Д.С.Ищенко

Переводы огласительных поучений Феодора Студита
и их место в истории литературного языка древней
Руси

Переводные произведения как южнославянского, так и восточнославянского происхождения представляют большой интерес с разных точек зрения и, в частности, для различных аспектов истории литературно-о языка Древней Руси.

Язык переводов, выполненных на Руси, фактически не отличался от языка древнерусских оригинальных произведений. Наличие в текстах таких переводов, наряду с книжной лексикой, лексики народной, восточнославянской, служит критерием их превнерусского происхождения (работы А.И.Соболевского, В.М.Истрина, Н.А.Мещерского и др.). Этот критерий требует дальнейшего уточнения и конкретизации. В частности, необходимо выяснить, какое количество восточнославянских слов может считаться достаточным для обоснования превнерусского происхождения перевода, особенно в произведениях большого объема. Нельзя оставить без внимания и ту южнославянскую лексику, которая приобрела специфическое употребление на Руси, или же лексика с южнославянской огласовкой, искусственно образованная на Руси и отсутствовавшая до этого у южных славян. Но в целом лексический критерий распознавания происхождения перевода, видимо, является главным.

Переводы южнославянского происхождения, перешедшие на Русь и здесь бытовавшие, оказывали, несомненно, большое

влияние на состояние и развитие литературного языка Древней Руси. Многократное переписывание и достаточно широкая распространенность соответствующих текстов способствовали закреплению их языковых особенностей в древнерусской письменности (во всяком случае, в определенных жанрах), делали эти языковые особенности принадлежностью русского литературного языка. Переводное произведение южнославянского происхождения не может исключаться из числа памятников литературного языка Древней Руси, если оно было на Руси известно и существовало в русских списках. Таким образом, все переводные произведения, бытовавшие на Руси, заслуживают пристального внимания.

Огласительные поучения Феодора Студита справедливо признаются одним из наиболее ранних переводов, появившихся на Руси: их использование требовал Студийский устав, введенный в Киево-Печерском монастыре в 60-е гг. XI в. Греческие тексты поучений составляют два собрания: Большой катехизис (3 книги) и Малый катехизис (134 поучения); на Руси же существовали переводные тексты 2-й книги Большого катехизиса (124 поучения) и ряд поучений Малого катехизиса. Известно мнение о древнерусском происхождении перевода поучений Феодора Студита, высказанное П.В.Владимировым, А.И.Соболевским, В.М.Истриным на основании примерно 20 восточнославянских слов, содержащихся в тексте. Речь у этих авторов шла только о 124 поучениях 2-й книги Большого катехизиса, списки которого дошли со времени не раньше XIV в. и, как установлено нами, представляют собою один перевод (например, рукописи ГБЛ: МДА 52, Муз. 8460, Муз. 9403, Тр.-С.178; ГИМ: Члуд.64; Епарх.449, Чл.37/239; БАН: Арх.Д 174, Арх. С 224 и др.; то же и в Макарьевских минеях под 11 ноября). Малый катехизис Феодора Студита не был в поле зрения исследователей. Как удалось установить, на Руси существовали в списках два различных перевода Малого катехизиса. Один из них (в списках не ранее XIV в.) содержит 63 поучения или часть из них (напр., рукописи ГБЛ, Иос.-Вол.604; ГИМ: Члуд.36/238, Син.Уш; ГПБ: Кир.-Бел. 85/210, 88/213; ГБЛ, МДА 51; БАН, 34.5.29/;

в этом же переводе поучения Феодора Студита могут находиться в сборниках среди слов других авторов (напр., рукописи ГБЛ: МДА 47, Тр.-С. I46; ГПБ: Г.1.224, Солов. I052/ I161; ЦГАДА: ф.381, № 195, ф.181, № 721). Все эти поучения в том же переводе находятся в сербской рукописи конца XIII в. из Хиландарского монастыря, № 387, среди I03 поучений Малого катехизиса Феодора Студита. Другой перевод Малого катехизиса (списки также с XIV в.) – это I15 поучений, находящихся после ЗI поучения Большого катехизиса в рукописях ГПБ, Солов. I134/I244 и ГИМ, Увар. 423) из ЗI поучения Большого катехизиса, за которыми они следуют, 30 совпадают с первыми 30 поучениями из числа I24, находящихся в ранее упомянутых списках, а одно, № I4, отсутствует в этих списках). В этом же переводе большинство из I15 названных поучений Малого катехизиса входят, наряду со словами других авторов, в сборник ГБЛ, Рум. 406 и в Венский сборник № I5. Отдельные поучения этого перевода можно найти в русских Прологах с конца XIII в. (например, Пролог ЦГАДА, ф.381, № 171). Можно полагать, что Малый катехизис в этом переводе был известен на Руси раньше, чем в другом переводе.

Каково бы ни было происхождение этих переводов, факт их бытования в русских списках говорит о том, что они вносили свой вклад в формирование литературно-о языка Древней Руси, что лексические соответствия и варианты, обнаруживавшиеся в них, объективно существовали в древнерусской письменности и обогащали литературный язык.

Т.Н.Кандурова

О некоторых особенностях употребления маркированных русизмов в древнерусских памятниках XI-XIV вв.

1. Этапы развития любого литературного языка в значительной степени определяются характером взаимодействия в нем – в тот или другой исторический период – элементов

традиционных книжных и разговорных: применительно к истории развития древнерусского литературного языка этапы его развития будут определяться спецификой взаимодействия в нем книжных церковнославянismов и разговорных русизмов (для эпохи раннего средневековья понимаемых как элементы соответствующего культурного кодекса).

2. При изучении особенностей взаимодействия русизмов и церковнославянismов наиболее информационно значимыми должны признаваться те из них, которые в системе древнерусского письменно-литературного языка находились в отношениях регулярной соотносительности и достаточно четкой противопоставленности.

Применительно к древнерусскому языку эпохи ранних памятников подобным требованиям в полной мере отвечают лексемы с неполногласными и полногласными сочетаниями в корнях (в дальнейшем трап - торот - лексемы) типа брегъ - берегъ, злато - золото, образующие в памятниках древнерусской письменности достаточно четко осознавшиеся бинарные ряды материально и семантически соотнесенных между собой пар, и те отношения, которые устанавливались между членами этих пар, с максимальной наглядностью и достаточной достоверностью отражали специфику взаимодействия собственно восточнославянских и книжных церковнославянских элементов в древнерусском письменно-литературном языке этого периода в целом.

3. Характер взаимодействия в древнерусском письменно-литературном языке эпохи первых письменных памятников -трап-, -торот- лексем имел особое, в последующие века неповторимое, своеобразие. И несмотря на то, что большинство произведений раннего средневековья (как оригинальных, так и переводных) дошли до нас в списках, иногда на несколько "семей" отстоявших от своих протографов и прошедших через руки ряда списчиков - носителей зачастую различных традиций и ориентации - представляется все же возможным выделить те случаи употребления восточнославянских разговорных полногласных слов, которые могут быть квалифицированы (по крайней мере по отношению к отдельным скрипториям) почти на уровне стандартизован-

ных. К ним мы относим: а) употребление -торот- - лексем по отношению к денотатам бытовизмам типа поворозь - Псков. Прол. I383, полова - Галицк. ев. II44, б) употребление -торот- - лексем вместо -трат- лексем при положении слова при переходе со строки на строку типа: Изб. I076 - едино ве/ремя ливота 58; пе/реже прихода хва I20; Жит. Феод.Печ. не отврьзе во/рот 40, по/роздынь еси 43, в) использование -торот- лексем при реализации одного из приёмов литературной отделки текста, а именно приема врырования семантически или структурно близких языковых средств типа: Жит. Феод.Печ. - се бо видѣ на срачици его кръвь соущи от выгрызенія хелъза... и растырзавъши сорочице на немъ 30; отвѣша онъ си оче опроверготиль тако вии съсоудъ... опровергатихъ и ницъ положилъ 54, г) включение -торот- лексем в состав глосс, к которым в целях большей "внятности" свободно прибегали древнерусские переводчики. Ср.: Хр.Гр.Ам. - кесарь еже есть сказаemo испороточь по ромс-кому языку I31; Ист. Иуд.войн - Иоанъ же църквинымъ древомъ пракы дѣлаше сиречь порокы 360, и) здесь же должны быть названы случаи обнаруживаемой в памятниках XI-XIV вв. явно осознавшейся соотнесенности -торот- лексем с прямой речью. Причем если в летописи наличие в воспроизведенной речи -торот- лексем могло быть обусловлено стремлением к максимальной исторической фактографичности, то в других памятниках того же времени оно, видимо, имело характер литературной отделки текста (ср. "Даниила Пророка судъ о Сусанѣ" по сп.Мерила Прав.).

4. Возможность появления в памятниках XI-XIV вв. -торот- лексем в текстах высокой патетики и по отношению к предметам явно конфессиональной отнесенности;

возможность замены в памятниках книжнославянского типа языка -трат- лексем на -торот- лексемы ради соблюдения графико-орфографического правила конца строки;

возможность использования -торот- лексем в качестве равнозначных эквивалентов -трат- лексемам в составе так называемых "варированных" наименований;

возможность включения глосс, содержащих -торот- лексемы, в языковую ткань произведений книжнославянского типа языка;

наличие в ранних списках одного и того же памятника разночтений противоположной направленности типа: Пов.вр.лет, 997, Лавр. - бысть гладъ величь в городъ, Ип.- голодъ... в градъ, а с другой стороны - возможность появления в таких памятниках, как летописи и др. (широко и достаточно последовательно допускавших употребление -торот- лексем), -трат- лексем в контекстах и высказываниях, носящих сугубо бытовой, а иногда даже пейоративный характер, делают оправданным предположение о том, что в письменно-литературной традиции XI-XII вв. употребление церковнославянизма (-трат- лексема) или соотносительного с ним русизма (-торот- лексема) не меняло экспрессивно-оценочной значимости соответствующего высказывания по сравнению с другим, аналогичным по содержанию, но включающим в себя противоположный член соответствующей пары.

Л.С.Ковтун

Славянизмы и инославянские слова в русских азбуковниках

1. Шедотворная работа словарников Юго-Западной Руси Лаврентия Зизания и Памви Берынды давно уже пользуется заслуженным признанием. Данные, которые содержатся в азбуковниках, пока остаются на втором плане. Славянские материалы в их составе воспринимаются лишь в качестве добавочных, не отвечающих профилю словаря иностранных слов или словаря энциклопедического.

Однако Азбуковник по своему типу не был ни тем, ни другим, к нему не приложимы мерки современной лексикографии. Для нашей цели важно учесть, что ранние азбуковники составлялись переводчиками и справщиками, для которых выяснение различий в семантике славянских слов (при соотнесении их со словами иноязычными) было делом насущно необходимым.

2. Указания на литературные источники, даваемые в азбуковниках при толкуемых словах, хотя и нерегулярно, свидетельствуют, что основой лексикографических наблюдений в ту

эпоху были по преимуществу тексты Писания и более всего евангельские. Разнотечения в древних рукописях, в том числе и в списках Писания – лингвистический источник первостепенной важности, особенно при изучении процессов взаимодействия церковнославянского и русского языков. Этот источник в то же время является одним из наиболее объективных и достоверных при решении задач исторической лексикографии и лексикологии. Словарники Московской Руси так же, как и Юго-западной Руси, вполне оценили его значение. Лексические варианты в текстах старинных книг получили в их практике наименование "произвольников".

3. Анализ разнотечений в церковных книгах не раз являлся объектом исследований, направленных, главным образом, на установление редакций Евангелия, Апостола, Псалтири и т.д. Историко-лингвистический подход к этому материалу проявлен в работах Л.П.Дуковской, обосновавшей важность сведений, которые в нем содержатся, для изучения эволюции словарного фонда, начиная с периода наиболее раннего. Славянские гlosсы и развернутые толкования славянских слов в азбуковниках и других древних словарях не только дополняют историческую картину, но и дают живое восприятие материалов глазами современника, причем на разных этапах развития языка. Пока эти ценные показания однако почти не привлекаются исторической лексикографией и лексикологией.

4. Языковые пометы, маркирующие в азбуковниках наряду с другими славянскими словами, нередко производят впечатление разительных ошибок (так, слова алній, амштъ в Азбуковнике ГИБ 0.ХІІ.І 2-й половины XVI в. названы сирскими, глагол доконати имеет помету "ла" (тинское), слово гробію названо еврейским, при слове бождрик сказано "еги" (петски). Факты такого рода расценивают как признак незнания языков составителями азбуковников. Между тем во многих случаях перед нами – архаический словарный прием: помета называет язык литературного источника, в славянском переводе которого встретилось толкуемое слово. Существенно, что в Азбуковнике ГИБ

Погод. II43, очень близком к ГПБ 0.XVI.I по содержанию, но несколько более позднем, почти все пометы такого рода сняты, да и в ГПБ 0.XVI.I они составляют сравнительно малую долю общего числа помет. Это показывает, что лексикография конца XVI в. искала более точных приемов, все определенней становилась ее лингвистическая направленность.

5. Особо сложные отношения, связанные с тесным переплетением литературных традиций на раннем этапе развития письменности, сближают, как известно, русский язык с юнославянскими (с древне- и среднеболгарским и сербским), поэтому немалый интерес для истории русского литературного языка и языка церковнославянского представляют пометы о принадлежности слов к числу юнославянских. Так, в Азбуковнике ГПБ 0.XVI.I значительное число славянских слов имеет помету "се" (рбское) (ср. брадовъ, белчигъ, бопши, благолепно, бдѣние, витаетъ, вскѹп, выспръ, добрѣсть, дебело, дебръ и т.д.) в то время как помета "б" (олгарское) вовсе отсутствует в перечне помет, предваряющем словарный свод. Крайне редко она применена и в основном тексте словаря (например, дана при слове вертепъ). Распространенность пометы "сербское" в азбуковниках, которые сформировались в особый словарный жанр во 2-й половине XVI в., подтверждает верность наблюдения Н.И.Толстого, указавшего, что в названный период слово "сербский" стало употребляться в расширительном значении – юнославянский. Факт этот получает, таким образом, историко-литературное объяснение. Для фиксации его хронологических пределов отметим, что Азбуковник, ГПБ Погод. II43, уточняя разработку несколько более раннего ГПБ 0.XVI.I, снимает помету "се" (рбское), а в некоторых случаях дает вместо нее другую "сл" (Свенское),

6. В азбуковниках, даже и самых ранних, нашли свое отражение связи Московской Руси со славянским Западом, русского языка с западно-славянскими, о чём свидетельствуют пометы "ляц" (кли) и "чес" (кли), т.е. польский и чешский, которые маркируют немалое количество слов (астъквучи, ардусарь и т.д.). Неоспорима вместе с тем тесная связь лексикографии

великорусской со словарным делом Іго-западной Руси. Взаимодействие русской и иго-западной традиций было плодотворным и творческим. Русскими азбуковниками иго-западные источники были широко использованы уже на рубеже ХVI-ХVII вв., однако при этом ориентированы на русского читателя. Так, в Азбуковнике ГПБ Погод. 1642 (пространная разновидность, список нач. ХVII в. с оригинала 1596 г.) не только западнославянские слова, но и украинские, белорусские даны обычно в номенклатурной части словарного свода (ср. або-или; въ широмъ разумъ - въ гдомъ разумъ, рекше не поврежденемъ злымъ коимъ нравомъ; байка - повѣсть, брехачь - лаятель и т. д.). При таких статьях чаще всего видим пометы "пол" или "полща", указывавшие на привлечение этих материалов из ресурсов западнорусской книжности. В объяснительной части тех же статей наряду с русскими словами и оборотами видим и церковнославянские, прочно усвоенные русским языком или во всяком случае постоянно употребляемые в книгах, читаемых на Руси.

В.В. Колесов

Лексическое варьирование в древнерусском тексте
в зависимости от жанра

1. Сложность проблемы определяется тем, что до нас дошли в основном литературные тексты, языковое воплощение которых не соответствует тогдашней народно-разговорной речи; это касается как отдельных текстов, так и отдельных слов: многие ныне общерусские слова еще только включались в систему русского языка как заимствования через литературный язык (вещь, жизнь). Стремление рассматривать древнерусскую лексику в одной хронологической плоскости оказывается неисторичным, а устранение целого ряда древнерусских жанров как "нерусских" обедняет фактологическую базу исследования.

2. Литературная лексика древнерусского языка от собственно "русской", местной, народно-разговорной отличается семантическим наполнением: если в самом древнерусском языке слова, в основном, однозначны и всегда имеют строго конкрет-

ное значение, "заимствованная" из литературного языка лексика либо намеренно ограничена одним оттенком значения (жизнь только в сочетании въчная жизнь как семантическое дополнение к русскому животъ, не имевшему данного значения), либо синкретична (вещь в древнерусских переводных текстах как "рукотворный результат действия, воплощающего мысль или слово, возможно, внущенное" – все элементы этого определения так или иначе проявляются в текстах, причем само действие имеет большее значение, чем результат этого действия).

3. В древнерусском тексте лексическое варьирование представлено либо в столкновении разных жанров, либо в границах одного, но обязательно литературного жанра (слово, житие). Многое зависит от состава текста, безразлично – оригинального или переводного. У Кирилла Туровского или Климента Смолятича варьирование определяется и характером данного текста, его содержанием, и соотношением оригинального текста с реминисценциями из переводных текстов, не всегда можно точно установить границы "перехода текста" на новый, уже другой стиль изложения. Большие переводные памятники дают как бы несколько разных кусков перевода, объединяемых только общностью текста; например, в составе Александрии 2-й редакции повесть о рахманехъ определенно не совпадает с первой, повествовательной частью перевода в отношении языка; Хроника Георгия Амартола вообще переведена "кусками", по-видимому, разными переводчиками, и это отразилось в "чеслополосном" изменении одной и той же лексики, в значении отдельных слов и т.д.

4. В связи с этим важное значение приобретает установление места и времени создания текста (или перевода); текстологическая подготовка текста к последующему лексическому исследованию также совершенно необходима. Указывают, например (Н.Михайлова), что новое значение слова правый "правосторонний" впервые фиксируется в Новости временных лет под 1036, затем – под 1096 г. Текстологические изыскания показывают, что соответствующие тексты вошли в летопись не ранее 1116 г., именно уже сразу в Перую редакцию

Повести временных лет; семантический сдвиг данного слова датируется началом не XI, а XII в. Многие литературные заимствования XI-XII вв. оказываются связанным с литературной деятельностью монахов Киево-Печерского монастыря, с XIII в. приоритет в этой области перемещается в Северо-Восточную Русь; любопытно, что Новгород не сыграл подобной роли вплоть до конца XIV в., когда первые его попытки в данном направлении были жестоко подавлены централизованной властью. Каждое перемещение центра литературности связано с определенными социальными преобразованиями и непосредственным образом отражается в развитии лексики.

5. Собственно лингвистическая сторона этого процесса связана с различными семантическими переносами в границах слова (метафорические, метонимические и др.), а также с семантическими перемещениями разного типа в границах частных систем (например, расслоение значений у слов побѣда "победа"-побѣда "поражение" или перенос у слова рать "вражеское войско" > "свое войско" в зависимости от соотношения с другими словами системы в данный отрезок времени и, как правило, под влиянием заимствованной литературной лексики).

6. Материальная основа исследования достаточно обширна. Можно установить следующие типы совмещения однозначных слов в древнем тексте, позволяющие выйти впоследствии на более широкое поле сравнения (текста с текстом, автора с автором, переводного и оригинального текста, текстов разного времени и др.).

а) Сопоставление с греческим, латинским и т.д. оригиналом переводного текста (В.Ягич, В.Истрин); в таком случае территориальные и стилистические ограничения остаются в стороне; метод не действителен для текстов, оригинал которых не отыскан (а таких текстов - большинство); тем не менее зависимость первоначальных славянских переводов от греческого оригинала (например, Изборника 1073 г.) уясняется довольно точно.

б) Сопоставление кальки с глоссой (В.Истрин), иногда

распространяемой на соположение рядом славянского и русского слов – фактически, здесь отражается не синонимия и не вариантность, а поскольку речь идет о переводе на современный переводчику или редактору язык слова, бывшего (или ставшего) непонятным.

в) Соположение вариантов русского и славянского слова, возникшее в результате перевода или редактирования (напр., в переводе Откровения Авраама рядом: требу жертву в одном и том же значении; первое – русский вариант к церковнославянскому, очевидно, бывшему в переводе); недостаток таких фактов в их оторванности от места и времени создания. Даже проделав такую большую работу, как сравнение Кирилло-Белозерского списка Изборника 1073 г. с текстом самого Изборника 1073 г. и обнаружив большое число вполне последовательно проведенных лексических замен, мы не можем сделать никакого точного вывода, кроме одного: к XV в. определенные слова текста не воспринимались вовсе или изменили свое значение.

г) Распространение в тексте – к определенному слову на основе устойчивых связей его с другими словами в отдельных редакциях или списках присоединяются слова: слава – слава и честь... Привычная идиома заменяет одиночное слово текста, добиваясь максимального приближения к своей ("национальной") эстетической и художественной манере (О.Лихачева). Тавтологические сочетания типа бой-драка, сохранившиеся в фольклорных текстах, относятся к этому же ряду факторов.

д) Символическая симметрия (стилистическая симметрия) типа пребставленных в древнейшем переводе Псалтыри: обяся мя яко левъ готовъ на ловъ, и яко скунецъ обитая во съкровищахъ – относится к числу таких же изводящих лексикографических средств, как и все указанные выше типы реализации лексической сходных единиц. В данном конкретном случае важно, что перевод Псалтыри старославянский, а не древнерусский, и потому возможные лексические соответствия не распространяются полностью на русский язык; важнее сравнение разных (русских) редакций этого текста.

Последние типы выражения дублетности отличаются тем, что фактически это типы усиления, т.е. осознанный результат индивидуального художественного творчества. Поэтому изучение языка отдельных древнерусских писателей или переводчиков оказывается важной предпосылкой последующего анализа собственно лексических отношений. На примере Кирилла Туровского можно видеть направление художественного осмысливания лексической системы (как она складывалась в его время из противоборствующих литературных сфер): на бинарном соединении русского и славянского (шан системы) построить троичное противопоставление в тексте, причем обязательно найти лексически не маркированную, стилистически нейтральную единицу звуна.

6. Совместное изучение текстов определенного жанра, места и времени, с преимущественным вниманием к известным авторам, на основе указанных вспомогательных средств списания позволит точнее определить линии разграничения дублетов – вариантов – синонимов в древнерусском литературном языке. Синонимия в конечном счете возникает как результат столкновения русского и церковно-славянского языков, последовательного семантического развития в результате этого столкновения. Взаимоотношения лексических вариантов всегда проявляются только в конкретном тексте.

М.М.Копыленко

О критериях выявления лексического состава раннего древнеславянского языка

1. Термин "ранний древнеславянский язык", предложенный Н.И.Толстым, обозначает первый период развития древнеславянского литературного языка (IX-X, отчасти XI вв.). Этот термин не равнозначен термину "старославянский язык", который относится не к памятникам литературы определенной эпохи, а к узкому кругу рукописей, отобранных по фонетическому (ко свое письму), территориальному (Юго-Западная и Восточная Бол-

тария) и хронологическому (конец X в. – нач. XI в.) критериям.

2. Только тезаурус лексики древнеславянского литературного языка всех изводов вплоть до XVIII в. может дать полное представление о ее составе в каждом периоде, в том числе и раннем. Подтверждим это следующим примером. Лексема амбонъ содержится в Ен и, следовательно, входит в старославянский канон. Между тем ее нет в первом выпуске СССЯ (1958 г.), потому что она не встречается ни в одном из списков, служивших в то время основой для составления этого словаря. (Ен привлекается в качестве источника СССЯ, начиная с I7 выпуска (1968 г.). Однако, по свидетельству словарей Миклошича и Срезневского, амбонъ имеется по меньшей мере в 10–12 рукописях сербского и русского изводов XIV–XVI вв. А ведь множество славянских рукописей еще не стало достоянием науки, и грядущие исследователи обнаружат в них большое число столь же древних слов.

3. Необходимо, однако, выработать методы обнаружения древней лексики в поздних рукописях. Абсолютизация времени составления списков ведет к своеобразной аберрации: ранние слова выдаются за позднейшие. См. еще слова из Ен, которые до недавней поры были известны только из более поздних списков Апостола и из памятников сербо-хорватского извода XIV–XVI вв.: апостольство, благородънъ, богомевѣста, гашгрена, застѣпнища, листопадъ и мн. др.

4. Тезаурус – дело относительно далекого будущего. Но и в данное время имеющийся в нашем распоряжении (явно неполный) индекс раннедревнеславянской лексики С – А может быть расширен за счет слов и значений, древность которых постоянно верна в максимальной степени. Мы отбираем эти слова из СССЯ руководствуясь следующими критериями: 1а. Значение слова считается принадлежащим раннему древнеславянскому литературному языку, если оно имеется хотя бы в одном каком-либо списке с памятника, составленного в кирилло-методиевскую эпоху или в симеоновский период, а в С – А (следовательно

в канонических рукописях) наличествует данное слово с явно вторичным значением. Например: баба в значении 'бабушка' встречается в Христ, Слепч, Шиш. В С - А этого значения нет, но есть явно вторичное 'пестунья, воспитательница'.

16. Слово считается принадлежащим раннему древнеславянскому языку, если оно имеется хотя бы в одном списке с произведения, составленного в кирилло-методиевскую эпоху или в симеоновский период, а в С - А не имеет слово, явно производное от него ~~ауксально~~ и семантически. Например: в Христ и Шиш имеется зълонравие, а в С - А - явно производное от него зълонравънъ. 2. Слово считается принадлежащим раннему древнеславянскому литературному языку, если оно имеется хотя бы в двух списках с двух различных памятников, составленных в кирилло-методиевскую эпоху или в симеоновский период, и при этом относится к праславянскому лексическому фонду.

Например: бръзъ, встречающееся в Григ; Зах; Гл.; Меф и имеющее праславянскую этимологию (Фасм. I, стр. 194). Однако не считается раннедревнеславянским бось, которое хотя и имеет праславянскую этимологию, встречается только в одном памятнике кирилло-методиевской эпохи Конст. З. Слово считается принадлежащим раннему древнеславянскому литературному языку, если оно имеется по крайней мере в двух списках одного памятника кирилло-методиевской эпохи или симеоновского периода не моложе XII в. Например, Манастыникъ, встречающееся в Христ и Слепч. Однако не считается раннедревнеславянским кромѣбытие, которое имеется в Слепч (XII в.) и Шиш (XIV в.).

4. Слово считается принадлежащим раннему древнеславянскому литературному языку, если оно имеется по крайней мере в трех списках с одного памятника кирилло-методиевской эпохи или симеоновского периода, из которых хотя бы один - не моложе XII века. Например: имя собственное Архипъ, встречающееся в трех списках апостола: Моск. (XIV в.), Шиш. (XIV в.) и Христ (XII в.). Но не считается раннедревнеславянским Слагостныиънъ, которое встречается в трех списках псалтыри Лоб, Пар, Бол, из которых самый ранний - XIII в. 5. Слово

считается принадлежащим раннему древнеславянскому литературному языку, если оно имеется в двух списках с двух различных памятников кирилло-методиевской эпохи или симеоновского периода, из которых хотя бы один не моложе XII в. Например: вльшеник (вльшеникъ), встречающееся в Христ; Григ; Зах; Храбр. Но не считается раннедревнеславянским мъшлкникъ, которое встречается в двух памятниках, ни один из которых не представлен списком XII в.: Гл (XII-XV вв.), Клем (ХVI в.).

5. Отобрав из 20 выпусков СССЯ (от А до чепокорвъ) 438 слов, мы руководствовались одним из указанных критериив лишь в 130 случаях (30 %). 209 слов (48 %) отобрано по двум критериям (3 и 4; Iб и 5; 4 и 5 и т.д.), 89 слов (20%) - по трем критериям (3, 4, 5; Iа, 3, 4; Iб, 3, 4 и т.д.). 9 слов (2 %)-по четырем критериям (Iб, 3, 4, 5; Iа, 2, 3, 4; 2, 3, 4, 5) и одно слово - по пяти критериям (Iб, 2, 3, 4, 5). Наиболее частым критерием является третий - 309 слов, затем идут: 4-й - 297, 5-й - 192, Iб - 38, 2-й - 19, Iа - 3 слова.

6. Упомянутые 438 слов значительно обогащают наше представление о раннедревнеславянской лексике и расширяют возможности ее исследования (примеры - в докладе).

Сокращения: Бол - Болонская псалтырь, Гл - Глаголита Вайса, Григ - Паремейник Григоровича, Ен - Енинский апостол, Зах - Захарьевский паремейник, Клим - Слово на перенесение мощей св.Климента, Конст. - Житие Константина, Лоб - Псалтырь Лобковича, Меф - Житие Мефодия, Моск - Апостол Московской синодальной библиотеки № 18, Пар - Парижская псалтырь, С - А - Словарь Л.Садник и Р. Айтцетмаллер, Слепч - Слепченский апостол, СССЯ - Словарь старославянского языка Чехословацкой АН, Храбр - Сказание о письменах монаха Храбра, Христ - Христинопольский апостол, Шиш - Шишатовецкий апостол.

Изучение праславянского слоя старославянской лексики

1. Попытка разобраться в составе лексики старославянского языка в генетическом плане принадлежит С. М. Кульбакину (см. ст. "О речникоj страны старославенског језика" - "Тлас српске... Академије", СХХХШ, 1930, стр. 85-143). В евангелиях и псалтырях, по мнению С. М. Кульбакина, зафиксировано 700-800 слов, являющихся общеславянскими, до 100 непереведенных греческих слов. Далее констатируется наличие калек без попытки установления их количества и т. д. Однако автор сильно преумножил количество как общеславянских, так и непереведенных греческих слов, так как, например, только в Син.пс. последних более 150; не говоря о том, что имеются ошибочные отнесения к праславянским ряду слов, вроде: къниты, бouкы, хадожникъ и т. п.

2. По подсчету Р. М. Цейтлин, в памятниках старославянской письменности без Киев. лл. зарегистрировано 9.616 слов, из которых, по данным картотеки Этимологического словаря славянских языков Института русского языка АН СССР, праславянским наследием является более 4.500 слов, или иначе около 50 % от общего количества лексики. Мы произвели подсчет праславянских по происхождению слов в Мар.ев., которых оказалось 1.425, а всего слов в Мар, по подсчету Р. М. Цейтлин, 2874. Таким образом, и в Мар слов праславянского происхождения около 50 %, из которых до 10 % слов являются диалектными, т. е. известными либо только инославянским, либо только западнославянским языкам. Таким образом, так называемых безусловно общеславянских слов в Мар имеется немногим более 40 %, Этот процент высокий и включает в себя слова, обозначающие природу: земля, соуша, пъськъ, камы, кама, море, рѣка, вода, кашля, роса, строу, льжъ, село, поле, льсь, небо, облакъ и прочее; человека, общество, взаимоотношения людей и т. д.: чловѣкъ, льже, нароль, тѣла, жити, животъ, рѣчъ, решти, глаголь, глаголати, смѣхъ, плачъ, горе, радовати сѧ и т. д.; продукты питания:

хлебъ, масо, рыба, мяка, пшеница, мучьи, медь и прочие. Среди этой лексики имеются слова (их не менее 10 %), которые, хотя и являются праславянским наследием, но известны только отдельным славянским языкам или их отдельным диалектам. Например, бриние, слана, нищь, вѣнти сѧ зъдати и т. п. фиксируются только в южнославянских, а субогъ, потъбъга, иштадие, натроути, и другие — только западнославянских языках. Ряд слов, как алькати, лакаѣ, одежда, тръхъть и т. п., зафиксированных в памятниках старославянской письменности, не имеют ныне соответствий ни в одном живом славянском языке.

3. По подсчету Р.М.Цейтлин, в памятниках старославянской письменности инославянских, преимущественно греческих, 1778 слов, что по отношению к общему количеству всех слов представляет почти 18 %. Думаем, что эти данные требуют еще проверки и уточнения. По-видимому, указанная группа слов составит около 20 %.

4. Значительную группу лексики представляют кальки, например, такие как: безоумие — калька ^{τέλε} ϕροσύνη; бездолие — ^{τέλε} ωρία; недѣльна — ^{τέλε} ράκτος ψύρει; сапостать — ^{τέλε} ναυτίος и т. п. Болышинство сложных слов также является кальками: благотворити — ^{τέλε} ϕωνόρεστι; вель-речивъ — ^{τέλε} ϕωνόρεχμων; зълословити — ^{τέλε} κοροχήστι; маловѣръ — ^{τέλε} υπόπτεστος; цѣломудрие — ^{τέλε} ϕροσύνη и т. д. Сложные слова занимают значительное место в памятниках старославянской письменности. Так, в Клоц. их 30, Ен.ап.-49, Син.пс. — 60, Мар.-73, Син.тр.- 126, Супр.- 386 и т. д. (данные Р.М.Цейтлин).

5. Первые же переводчики, используя славянские словообразовательные форманты, для передачи греческих слов с абстрактным значением создали весьма заметное количество искусственных слов. Например, с помощью суф. е, бытовавшего в языке для образования собирательных существительных, как былие, връбие, чабие, камение, рѣтие и т. п., искусственно созданы: величие для передачи греч. ^{τέλε} ϕαντασία;

бесрамие - и́мьтъ вѣ́са; обличие - Прѣбоутие; подобие - о́моготъсъ; пособие - бърнамахъдъ и т. п. Особен-но велика группа подобных слов, созданных присоединением суф. -ие к основе причастий на -и и -ен, таких как Объжение, Бращение, Ощущение, Величание, Глаголание, Дѣлмание, Заблуждение, Искощущение, Кланѣние, Лишнение и т. п. Словарь Садник и Айцетмилера зафиксировал такие существительные в количестве 749.

Таким же искусственно созданным является абсолютное большинство существительных, образованных присоединением суффиксов -ота и -ость к основам прилагательных; -тель к основам глагола; -чество и тьствие к основам как существительных, так и прилагательных. Не исключено, что такие существительные, как высота, широта, крепость, старость, прѣтель, властель, родльство (рождльство) и т. п. существовали в юнославянских диалектах. На основе их переводчика-ми было создано множество подобных, как: иностата, тихота, правота, ионокость, немость, сттиность, въздатель, проповѣдатель, съврѣтатель, блаженъство, дражльство, естество, лицемѣръство, сребролюбъствие, невѣжльство и многие другие. В целом, количество подобных слов в старославянском свыше 300.

Ряд префиксальных образований также является искусственным, вроде: прѣподобіе, прѣмилостінь, прѣвышніи, прѣсподій; възбоутие, възглашение, въздвижение, въсхлаштие и т. п.

6. Поскольку многие кальки и искусственно образованные слова являются потенциально возможными (но которых не было в языке), то после того, как они вошли в обиход речи переводчика, ими стали пользоваться и для передачи близких по значению других греческих слов. Так, как отметили, съпостатъ представляет кальку πλευρεῖος; в памятниках зафиксирована передача этой калькой и πατέπαρος, ποδέμіоз и др. Благожжаніе — калька εὐωδία, но этой калькой передается еще κύμісъ ма; величъствие — калька

мεγάλωσέν γε, но ер переданы и мέγελος, μέρετρος и т.п. Все это необходимо учитывать при исследовании калек.

7. В общем ясна структура лексики памятников старославянской письменности, состоящая из нескольких пластов или слоев. Основой словаря является праславянский слой. На это ядро лексики насытились кальки и искусственно созданные, а также заимствование слова. Каждый слой лексики, особенно и прежде всего праславянский, требует тщательного анализа для того, чтобы решить, как шло становление древнего общеславянского литературного письменного языка, сыгравшего исключительно важную роль в развитии славян и их культуры. Изучение же при этом диалектной лексики в праславянском слое словаря поможет установить, в каких славянских краях производились переводы и каков вклад того или иного славянского языка в создании особого старославянского книжного языка, которым, как известно, постепенно стали пользоваться во многих славянских странах, по возможности приспособливая его к местной речи.

Н.А.Мещерский

Лексические и грамматические критерии разграничения памятников древнеславянского литературно-письменного языка русского извода и древнерусского литературного языка (книжно-славянского типа)

Памятники обоих названных письменных языков структурно настолько близки друг другу, что на начальном этапе их исторического развития (до XIV в.) разграничение между ними обычно проводится по внеязыковым показателям. Так, например, В.Д.Левин предлагает считать древнерусским литературным языком язык текстов, либо созданных заведомо русскими авторами (оригинальные древнерусские произведения, как *Литие Феодосия* или *Поучение Владимира Мономаха*), либо столь же определенно переведенных на Русь древнерусскими

книжниками (как История Иудейской войны Иосифа Флавия или Девгеньево деяние). Однако как в том, так и особенно в другом случае перед исследователями встает сложный и трудный вопрос, на основе каких признаков считать произведение или перевод русскими (восточнославянскими) по своему происхождению.

Со времени работ А.И.Соболевского и В.М.Истриной традиционно применяется в таких случаях лексический критерий: наличие в тексте таких слов, которые, с большей или меньшей долей несомненности, следует считать отражавшими восточнославянскую (а не юнославянскую) речевую практику (названия бытовых реалий, не известных славянскому языку, и т.п.). Однако в исследованиях последних лет, в частности, в работах, посвященных лексике "Изборника 1076 г." Д.Фрейданка, И.Леписье, И.Шевченко и др., правильно, на наш взгляд, отмечается относительная неустойчивость лексики древнеславянского памятника при его переходе в восточнославянскую речевую среду. Таким образом, этот традиционно применяемый метод нуждается в уточнении и более осмотрительном использовании, однако не должен быть вовсе отвергнут.

В исследованиях западноберлинского слависта Г.Бройера был предложен к использованию дополнительный синтаксический критерий для установления места происхождения древнеславянских переводов и этнической принадлежности переводчиков. Опираясь на различные модели сложноподчиненных предложений с союзом "да" и формы выражения сказуемого в придаточных предложениях цели или косвенно-побудительных (индикатив/конъюнктив), Г.Бройер первый из названных синтаксических типов считал приметой переводов юнославянского, второй - восточнославянского происхождения.

В работах, вышедших в свет за последние годы, применение указанного лингвистического критерия было также подвергнуто проверке и частично поставлено под сомнение. Применяя данный синтаксический критерий, необходимо обращать внимание и на более широкий синтаксический контекст, и на семантику слов, составляющих содержание высказываний, и на стилистические

их оттенки. Таким образом, и этот лингвистический критерий должен использоваться со значительной долей осмотрительности.

Подходя к установлению места перевода того или иного древнеславянского письменного памятника и этнической принадлежности переводчика, исследователю не следует отказываться ни от одного из названных экстралингвистических или лингвистических критериев разграничения языка переводов. Однако при этом следует опираться прежде всего на глубокое комплексное изучение языка переводов на всех его уровнях, во всех аспектах и во взаимодействии между собой.

И.А.Попов

Из истории формирования лексико-семантической группы наречий со значением высшей степени, меры, интенсивности признака, состояния

1. В современном русском языке ядро этой лексико-семантической группы составляют наречия очень, весма, сильно (разг.) здравово (прост.), больно (прост.), шибко (прост.).

Особенности их функционирования в современном русском языке описаны в Словаре синонимов русского языка¹. Однако круг наречий со значением высшей степени, меры, интенсивности признака или состояния не ограничивается перечисленными словами. Ср. чрезвычайно, чрезмерно, чересчур, необыкновенно, а также ряд наречий с ярко выраженной экспрессивностью: страшно, ужасно, чудовищно. Они имеют свои лексико-семантические особенности и особенности в употреблении.

В источниках диалектной лексики XIX-XX в. имеется также много диалектных наречий со значением "очень, сильно": гораздо, гораз, круто, лито и др. Таким образом, круг наречий данной лексико-семантической группы в русском языке XIX-XX вв. довольно широк. Истоки ее формирования уходят порой в далекое прошлое.

2. Для разных эпох в истории русского языка состав наз-

¹ Словарь синонимов русского языка. т. II, л., 1971, стр. II3.

ванной лексико-семантической группы не был одинаков и сбновлялся в периоды изменений его лексико-семантической системы. Следует при этом иметь в виду, что памятники письменности донесли неполные сведения о наречиях, в особенности о наречиях, употреблявшихся в разговорной и диалектной речи.

Исключительную ценность для изучения истории этих слов представляют собрания исторических картотек русского языка - Картотеки Древнерусского словаря (в ИРЯЗ), Картотеки русского языка ХVIII в., а также Картотеки Словаря русских народных говоров (в ЛО ИРЯЗ).

3. В памятниках древнерусского языка X-XIII вв. наиболее распространенными наречиями со значением высшей степени, меры, интенсивности признака, состояния являются: вельми, весыма, зъло; Аще ли кто покусится ~~б~~ Руси взати что ~~б~~ людии прства вашего, иже то створить покажет будеть вельми. Дос. Иг. 945 г. (Срезневский). Законъ имутъ... ни красти, ни клеветати. ли оубити. ли злодѣти весыма. Пов.вр.лет (Срезневский). Моужа ста и зъло богащася ~~б~~. Ноиг. I лет. (Срезневский).

В этом же значении отмечается наречие горазно: И нача ихъ бусормановъ бити и съчи горазно безъ милости, и князи ихъ падоша. Сл. о Задоншине, XIII в. (Срезневский).

Для выражения сильной степени действия (с оттенком ожесточенности) употреблялись наречия крѣпко, крѣпѣ, крѣпѣ: И тако быхутся крѣпко, не могома бо что успѣти противу Киеву. Ипат. лет. (Срезневский). Быхутся крѣпѣ. Ипат. лет. (там же) Крѣпѣ сткиса. Гр. Наз. XI в. (там же).

По-видимому, менее заметное место в лексико-семантической системе русского языка названного периода по сравнению с последующим занимает наречие очень. Первой лексикографической фиксацией его считается Вейсманнов лексикон 1731 г.¹, хотя в других источниках оно встречается значительно ранее: ... потому что они имъ очыи многъ нѣрили и неколи причину к недружбе не давали... (Вести из Герм., Голл., Ит., Чех., Франц., Бенгр. и др. мест. 1628 г.)².

¹ Словарь современного русского литературного языка, т. 8, М.-Л., 1959.

² Вести-куранты 1600-1639 гг.. Под ред. С.И. Коткова. М., 1972.

4. В источниках русского языка XVII в., особенно относящихся к первой его половине, продолжает активно функционировать традиционное ядро лексико-семантической группы – наречия вельми, весъма, зѣло, а также наречие очень: Много пушек налито, и желѣза вѣльми много здѣлано. Вед. I702, с. I7¹. А я боюсь, что он вельми нас всѣх обидит. Кап. Ябеда, I798, с. 68. Весьма радуясь, когда вас вижу... Лекс. Волчк., I755, ч. I, с. 64.

Вместе с тем встречается широкий круг других наречий для выражения высшей степени, интенсивности признака, состояния: больно, гораздо, даже, до зѣла, жестоко, крайне, по премногу, превесъма, сильно, чересчур (черезъчорь), чресчур (чрезъчур), чрезъчайно (чрезъ звичайно), чрезлишно, чрезмѣру, чрезъмерно и др.

Лексикографические источники русского языка XVII в. дают представление о наиболее употребительных наречиях данной лексико-семантической группы, вступавших в синонимические отношения. Ср.: в Русско-голландском лексиконе I717 г.: больно или зѣло, в Вейсманновом лексиконе I731 г. жестоко, вельми, зѣло боятися (с. 569), зѣло, вельми, весъма, крайне (с. 307), сильно, жестоко, вельми (с. 364), очень, зѣло, весъма, вельми, через чор, по премногу (с. 553); в Лексиконе Целлария I746 г.: вельми, очень, зѣло, весъма (с. 3); в Словаре Академии Российской, т. I, I789 г.: Вельми – весъма, крайне, много, зѣло, чрезъчайно.

5. Процесс постепенного сложения норм литературного языка в XVII в. вызвал также перестройку состава изучаемой лексико-семантической группы. К концу XVII в. сокращается частотность употребления наиболее распространенных ранее церковнославянских наречий вельми, зѣло. Центр тяжести перемещается на собственно русское по происхождению наречие очень. Происходит постепенная социально-стилистическая дифференциация лексики. Некоторые диалектные наречия употребляются в языке художественной литературы для придания речи действующих лиц.

¹ Использованы материалы картотеки Словаря русского языка XVII в. (ЛО ИРЯЗ АН СССР) и принятые в ней сокращения источников.

народно-разговорной окраски. Например, наречие лиже: Лесник: Бог вѣсть боярин: дѣвка-то воровата лиже, вить что твоя лица. Никол. Роз. и Люб., 1781, с. 24.

В системе формирующегося литературного языка намечается изменение в семантике и сочетаемости наречия гораздо: оно начинает употребляться лишь для выражения сравнительной степени признака (в сочетании с формой сравнительной степени): Гораздо бы пристойнее было, ежели бы влагали в руки багрянородных особ жития наилучших только государей. Муратори. Рассуж. о благоценнствии, 1780, с. 23, – оттесняя распространенное сочетание его с прилагательными в полной или краткой форме и наречиями: Тарбот – рыба подобная камбалѣ, токмо гораздо великая перед нею. Русск.-гол. Лекс. 1717, с. 221. Такое употребление наречия гораздо сохраняется в говорах.

6. В русском языке XIX в. завершились процессы, начавшиеся в XVII в. Наречия вельми, зъло (а также ряд других архаичных) выходят из сферы нейтрального употребления и используются с стилистическими целями или для создания исторического колорита. Обособляется просторечная и диалектная лексика. При собирании диалектной лексики в XIX–XX вв. выявилась большая группа диалектных наречий, имевших значение "очень, сильно": ажно, балецо, бѣлы, беспримерно, бѣйко, важно, вельмо, внай, горазно, гораз, лиже, круто, лото, лихо, порато, прѣтко и ряд других. Далеко не все из них отразились в памятниках письменности и поэтому "письменная" их история не выходит часто за хронологические рамки существования диалектологии как науки. Эта группа диалектных наречий может быть предметом особых рассмотрений с привлечением данных лингвистической географии.

К вопросу о генетической связи слов с неполногласием, известных в современных русских диалектах, с церковнославянским языком

1. Задача доклада – показать материал, связанный с установлением генезиса слов с неполногласием, обнаруженных в значительном количестве в русских народных говорах. Являются ли эти слова, как в русском литературном языке (ЛЯ), образованиями, генетически связанными со старославянским и церковнославянским языком или имеют другую природу?

2. Решение этого вопроса предполагает всестороннее исследование особенностей слов с неполногласием, известных в диалектах. В докладе доказательства того что лексика с неполногласием, известная в диалектах, видимо, как правило, генетически связана с церковнославянским языком и проникла в говоры через ЛЯ, рассматриваются на материале соответствия или несоответствия парности неполногласных форм с полногласными в русском литературном языке XIX-XX вв. и народных говорах этого же времени.

3. Установление парности и непарности этих форм в диалектах осложняется возможностью совпадения слов с неполногласием и полногласием в говорах, имеющих редукцию безударных гласных, так как в безударном положении такие пары очень близки в произношении (см. волокута > вълакунъ, которое может быть услышано собирателем диалектной лексики и записано как влакупа). Однако материалы показывают, что собиратели, в большинстве случаев, различают формы полногласия и неполногласия. Это видно, во-первых, из того, что в диалектных записях из говоров с редукцией безударных гласных параллельно тянутся слова с безударным корнем в полногласной и неполногласной формах (см. например, слова слалёха и солодёха в Словаре Л.Деулино, каждое из которых входит в свое словообразовательное гнездо). Во-вторых, об этом свидетельствует сопоставление диалектных записей с лексикой древнерусского языка, обнаружившее, что в диалектах, как правило, только в полногласной форме записана

лексика с теми корнями, соответствующие неполногласные пары которых в древнерусской письменности зафиксированы лишь в словах церковнославянских памятников древнейших веков. В этом смысле особенно показательны записи слов с полногласием из говоров с редукцией безударных гласных с теми корнями, образования с которыми в русском литературном языке полностью вышли из употребления не только в неполногласной, но и полногласной форме. В этих случаях собиратели, владеющие литературным языком, не могли неправильно восстановить неотчетливо звучавшую в говоре форму слова по аналогии с существующей в ЛЯ полногласной (см. например, запись в полногласной форме слов свороб "чесотка"-новг., своробливый "чесоточный" - перм. и арх., а также своробатый "шероховатый" - ржев.трер.). Эти наблюдения дают возможность убедиться в правильности записи неполногласных форм собирателями, а также установить зависимость существования лексики с неполногласием в говорах от ЛЯ, что показательно для их генезиса, поскольку даже в тех случаях, когда неполногласная форма в диалектном слове не вызывает сомнения, так как стоит под ударением, возможно ее истолковать не как неполногласную, генетически связанную с церковнославянским и русским литературным языком, а как полногласную, фонетически преобразованную по аналогии с формой этого корня в безударном положении, близкой в произношении с неполногласной (например, хлéць, поскольку холодник звучит как хладник). Однако такое предположение опровергается сопоставлением лексики с неполногласием и полногласием в современном ЛЯ, говорах и древнерусской письменности.

4. Если бы неполногласные формы в диалектах были независимы от ЛЯ и образовывались путем фонетической аналогии с безударными редуцированными полногласными, то полученные таким образом неполногласные образования присутствовали бы здесь не только в словах с корнями, для которых в ЛЯ известны как полногласные, так и неполногласные формы, но и для тех, которые в русском языке никогда не имели устойчивой неполногласной параллели. Между тем проведенные разыскания показали, что для корней, которые в древнерусской письменнос-

ти зафиксированы в неполногласной форме только в сакральных памятниках, в наших материалах, как правило, нет записей слов с ударными неполногласными формами (то есть слов типа врабий, грах, плато и под.), хотя имеются слова с безударными формами соответствующих полногласных корней в говорах с редукцией гласных (см. воробьёвый в сарат. говорах, воробьятник – калуж., городовина – пск., долотъть – пск. и т.д.).

5. Материал для установления генетической связи неполногласных образований в диалектах с церковнославянским языком через русский литературный язык дает сопоставление всех случаев наличия или отсутствия парности слов с корнями в неполногласной и полногласной огласовке (КНеп и КПол) в говорах и современном ЛЯ. Такое сопоставление показывает преимущественное соответствие парности и непарности в образованиях с КНеп и КПол в говорах и ЛЯ. Выше уже были показаны некоторые случаи совпадения отсутствия парности. Это совпадение имеет место даже тогда, когда в ЛЯ сохранились образования только с заимствованными старославянскими неполногласными корнями (например, врем-). Еще более показательно совпадение в наличии парности. В говорах известны образования почти со всеми парами корней, которые имеются в современном ЛЯ (брат- и берег-, брем- и берем-, врат- и ворот-, грах- и город- и т.д.).

6. Не менее показательны для генетических разысканий случаи, в которых в говорах и ЛЯ нет соответствия парности – непарности. В докладе не рассматриваются образования с корнями, для которых в ЛЯ есть только неполногласные формы, а в говорах сохранились образования от обеих форм (то есть, например, не только влад-, но и волод-). Они показывают особенности бытования в диалектах только полногласных образований, значительно более длительное время удерживавшихся в говорах, чем в ЛЯ. Для определения генезиса неполногласных форм в диалектах интерес представляют те случаи, когда в диалектах имеются образования только в полногласной форме, а в ЛЯ есть (или были в недавнее время) и неполногласные. Оказывается, в говорах отсутствуют образования от тех корней в неполногласной форме, которые не отличаются активностью в ЛЯ и были

функционально ограничены здесь уже в XIX в. сферами, далекими от диалектной речи (такие как блат-, иран-, гнац- и под.). Все они в современном ЛЯ не образуют самостоятельного словообразовательного гнезда и не являются морфонологическими вариантами к полногласным в словах нейтрального лексического фонда.

Особое внимание привлекают отдельные примеры слов с неполногласием, записанных в говорах, которые выпадают из показанной системы соотношения парности полногласных и неполногласных форм в диалектах и ЛЯ. Например, в северных говорах сделаны записи слов крава 'корова' и вретельник 'ячник для веретен', в которых наличие неполногласной формы не вызывает сомнения и вместе с тем оно никак не может быть объяснено влиянием ЛЯ, где слова с этими корнями давно утрачены. В древнерусской письменности они известны только в памятниках, далеких от диалектной речи. Появление таких неполногласных форм в диалектах можно считать результатом лексико-морфологической аналогии к другим неполногласным формам. Образования такого рода отличаются от описанных выше диалектных фонетических образований, сходных с неполногласными, своей языковой природой и причинами возникновения. Первые, характерные только для диалектов, имеют чисто фонетический характер и всегда исходят от исконнорусских полногласных форм. Лексико-морфологическая аналогия, характерная для русского языка древних эпох в целом, имеет морфологическую природу и может исходить как от полногласных, так и неполногласных форм (в древнерусском языке это так называемые искусственные русизмы и один из видов славянорусизмов).

В говорах такие формы редки, лексически и семантически они полностью идентичны своим полногласным парам и не имеют словообразовательного гнезда. Как и в древнерусском языке, в говорах аналогия такого рода получает двухстороннюю направленность (городянский от гражданик, иностранец от иностраниц и, наоборот, крава от корова). Как известно, первоначальной причиной появления этих образований в древнерусском языке

являлось наличие регулярности в парности и непарности слов с неполногласием и полногласием, потребность в пополнении которой в письменном языке обуславливалась традицией разделения этих форм в сочинениях разной канцово-стилистической отнесенности. Причины их появления в бытовой бесписьменной речи диалектов, естественно, другие. Мы укажем из них лишь одну, с нашей точки зрения, вполне вероятную. Анализируемые корни, в случаях их парности, в диалектах, в отличие от ЛИ, всегда сохраняют семантическую идентичность и в системе одного говора являются вариантами. В связи с этим в системе лексики говора, видимо, возможен случай взаимозамены форм полногласия и неполногласия в словах с корнями, не имеющими здесь вариантов, по аналогии с вариантными корнями, чего не происходит в современной литературной языке, где состав и распределение морфонологических вариантов корней регулируется нормой.

Ограниченнность количества пар, образованных путем лексико-морфологической аналогии в диалектах объясняется тем, что парность корней с неполногласием и полногласием в большей части является междиалектным явлением. Если в каком-либо говоре парных неполногласных и полногласных форм мало, здесь нет условий для аналогии подобного рода.

Б. А. Успенский

К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка

§ I. Как известно, в современном языке семантические отношения славянismов и (формально) коррелирующих с ними русизмов обычно характеризуется противопоставлением по параметрам абстрактности-конкретности и широты-узости. Подобное или близкое к этому распределение значений передис предполагается и для древнейшего периода истории рус. языка. Такие авторитетные исследователи, как напр., Г. О. Винокур или

Г. Хорль-Ворт и целый ряд других, считают, что пары типа стрем-сторон, власть-волосы, хромые-хорошенькие и т.п. семантически дифференцировались уже в древнейший период. Соответственно предполагается, что выбор цсл. или рус. формы (напр., в летописном тексте) непосредственно мотивируется смысловыми характеристиками, т.е. прямо зависит именно от выражаемого содержания. Этот вывод подтверждается большим количеством примеров, когда распределение элементов в тексте действительно соответствует подобному семантическому противопоставлению. Вместе с тем, едва ли не для каждого противопоставления такого рода могут быть констатированы отдельные случаи нарушения этой общей закономерности, когда цсл. форма выступает в таком значении, в каком ождалась бы соответствующий русским, или наоборот. Как бы ни были малочисленны эти противоречие случаи, сама возможность их представлена чрезвычайно знаменательной. Она означает, что наблюдаемая закономерность в принципе имеет не абсолютный, но вероятностный характер. Следовательно, это вопрос преимущественного употребления, а не дифференциации по смыслу, тенденции, а не правила, - т.е. явление узуса, а не нормы. Необходимо, между тем, отыскать окказиональные значения, т.е. значения в тексте, от значений, системно противопоставленных вне контекстного употребления.

Очевидно, что специфика семантических отношений между цсл. и рус. формами обусловлена тем обстоятельством, что цсл. и рус. языки в древнерусский период не разделили непрерывным барьером в языковом сознании и находятся в постоянном взаимодействии (при том, что влияние цсл.языка на русский не симметрично и не адекватно обратному влиянию - русского на церковнославянский). Можно сказать, таким образом, что эта специфика определяется не только собственно языковыми механизмами (развитием значений), но и специфической языковой ситуацией Древней Руси.

§ 2. Языковая ситуация Древней Руси может быть охарактеризована как ситуация церковнославянско-русской лингвосоциальной. Общие типологические признаки дилеммии опре-

делены Ч.Фергусоном. Содержательно же под диглоссией понимается такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих систем находятся в дополнительном распределении, соответствующая функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации. Если в обычном случае одна языковая система выступает в разных контекстах, то в условиях диглоссии разные контексты (речевые ситуации) соотнесены с разными языковыми системами. Соответственно, члену языкового коллектива при диглоссии свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, который реализуется как бы в двух ипостасях – высокой (книжной) и низкой (некнижной), – тогда как для лингвиста и вообще для иностранного наблюдателя естественно в этой ситуации видеть два разных языка.

Книжные языковые нормы при диглоссии сознательно, эксплицитно усваиваются в процессе формального обучения, определяя представление носятеля языка о языковой правильности, тогда как живая речь воспринимается через прямую книжного языка как отклонение от нормы – допустимое или даже необходимое (в силу престижа книжного языка) в определенных конкретных ситуациях. Собственно, в отличие от *д в у я з ы ч и я*, диглоссия характеризуется принципиальной неравноправностью сосуществующих языковых систем, когда обе иерархии объединяются в языковом сознании в один язык и таким образом фактически функционируют как стили этого языка, причем литературным в собственном смысле признается исключительно высокий стиль. Применительно к языковой ситуации Древней Руси дело идет о сосуществовании литературно обработанного (нормированного) церковнославянского языка и литературно не обработанного (ненормированного) языка древнерусского.

§ 3. Итак, в условиях цsl.-русс. диглоссии книжный цsl. язык является нормированным и стабильным, а рус. язык, понимаемый как отклонение от книжной нормы, – относительно не-нормированным и нестабильным. При таком понимании собственно русс. речь в ее чистых формах и контаминированные цsl.-рус. тексты отождествляются в языковом сознании в рамках общего

некнижного языка, воспринимаясь как вариации этого последнего. Это обуславливает принципиально неоднородный, гетерогенный характер некнижного др.-рус. языка, который объединяет как книжные, так и некнижные элементы. Др.-рус. речь обнаруживает потенцию к интенсивному усвоению книжных элементов, тогда как цел. язык относительно изолирован от влияния со стороны живой речи. Книжная языковая система противостоит некнижной как закрытая - открытой; в результате различие между цел. и рус. языком выступает как различие между нормой и узусом.

Следует иметь в виду, что для дилюссии как специфической языковой ситуации характерно вообще постоянное влияние "высокой" языковой системы на "низкую", проявляющееся именно в органическом усвоении специальных книжных форм, которые выступают здесь наряду с формами некнижными, создавая условия для окказиональной семантической дифференциации. Это определяет соответствующее явление как в разговорной речи Древней Руси, так и в текстах, написанных на некнижном др.-рус. языке. Между тем, в самих книжных (цел.) текстах допустимы, вообще говоря, только цел. формы (за исключением строго обусловленных случаев, которые могут быть специально оговорены - таких, как позиция конца строки). (Отвлекаемся от возможности случайных (непроизвольных) описок, ошибок, обусловленных недостаточным знанием книжной нормы, и т.п. под. явлений; подобные случаи предстаивают собой спорадические нарушения нормы, которые никак не свидетельствуют о ее разрушении, т.е. никоим образом не колеблют самое норму).

Итак, сама возможность функциональной дифференциации корреляントных цел. и рус. форм представлена только в тех речевых сферах, которые ассоциируются с возможностью или необходимости отступления от книжной нормы, - при том, что нормативным является нерасчленение смыслов. Отсюда объясняется более широкое значение цел. форм по сравнению с соответствующими русизмами.

§ 4. Если книжная и некнижная языковые системы могут осознаваться при дилюсии как две разновидности или реали-

зации одного языка (см. § 2), то коррелирующие элементы этих систем могут отождествляться как формы (варианты) одного слова, противопоставленные не семантически, но по своему употреблению (напр., как книжная и разговорная формы). Можно полагать, что в древнейший период истории рус. языка (XI-XIV вв.) коррелятивные цsl. и рус. формы действительно отождествлялись таким образом. Показательно, в частности, что само противопоставление цsl. и рус. форм может неизгладимо оставаться в определенных условиях – как в книжных текстах (ср. возможность появления полнотасной формы в цsl. тексте в позиции конца строки, отмеченную Т.Н.Кандуровой), так и в некнижных (где неизгладимость осуществляется в виде свободного варирования соответствующих форм). Носитель языка при рождении книжного цsl. текста может исходить из соответствующих форм живой речи (об этом наглядно свидетельствуют псевдокорректные формы типа глось, плань, вместо глась, плань и т.п., наблюдаемые в цsl. памятниках рус. редакции – ярко образованные из голось, полонь и т.п.). Соответственно он и объединяет коррелятивные формы, осознавая их как одно слово, выступающее в двух стилистически дифференцированных реализациях – литературной и нелитературной, нормативной и узусной.

Цsl. и рус. формы противопоставлены на этом этапе не на собственно лексическом, а на морфемном уровне (по форме корня, флексии или словообразовательного форманта, т.е. морфемы как минимальной значимой единицы), т.е. на том уровне, который выражается в виде общих правил (образующих параллельные бинарные ряды соотнесенных между собой пар), а не в виде конкретных противопоставлений отдельных лексем. Граница между книжной и некнижной лексикой образуется совокупностью легко усваиваемых закономерностей общего характера. В тех же случаях, когда формальное противопоставление на морфемном уровне не имеет места, возможно прямое заимствование лексем из некнижного языка в книжный: если в цsl. языке недостает средств для выражения какой-то специфической реалии, соответствующее слово в принципе может быть взято из живой речи (если не это слово на морфемном уровне формально про-

творечит книжным нормам, оно более или менее автоматически преобразуется в соответствии с этими нормами).

Отождествление коррелянтов цsl. и рус. форм имеет своим следствием взаимодействие между соответствующими формами на семантическом уровне, что обуславливает принципиальную возможность употребления формы волость в смысле " власть" и власть в смысле "волость", сторона в смысле "страна" и страна в смысле "сторона" и т.п. В частности, если в рус. речи образуется новое значение, то оно в принципе может быть выражено соотносительной цsl. формой: цsl. язык на этом этапе как бы включает в себя русский - в плане содержания (запред, в плане выражения рус. книжный язык включает в себя церковнославянский, что обусловлено свободной и неограниченной инфильтрацией цsl. форм в рус. речь, см. выше, § 3). Ср. в этой связи также сказанное выше (§ 3) о более широком значении цsl. форм по сравнению с соответствующими русизмами.

Таким образом, на данном этапе русизмы семантически измежурованы по отношению к соответствующим церковнославянским, отношение значений выступает как привативная оппозиция. Практически это означает, что в русской речи всегда возможно заменить рус. форму на соотносительную церковнославянскую без ущерба для семантической правильности текста.

После второго книжного всплеска отношения между цsl. и рус. языками строятся по принципу противопоставления, а не по принципу тождества. Ситуация диллюсии сохраняется, но оба языка объединяются в плане функциональной соотнесенности, а не по-элементно - т.е. на уровне целых систем, а не их составляющих единиц. Цsl. язык стремится освободиться от влияния рус. языка, что обуславливает актилизацию словообразовательных средств и массовое создание книжных идиоматизмов. Теперь языковая норма не может исходить из форм книжной речи при образовании книжных форм, но осваивает книжную лексику (и вообще книжный язык) как самостоятельную систему. Тем самым, цsl. и рус. формы на данном этапе уже не могут отождествляться (и фиктивизироваться) как формы одного слова: церковнославянские, проникая в рус. речь, могут контрасти-

ровать с русизмами как отдельные слова, противопоставленные по своему значению. Цсл. и рус. формы противопоставляются теперь не на морфемном, а на лексическом уровне. (Ср. также невозможность прямых лексических заимствований из некнижного языка в книжный в этот период).

Именно к этому этапу относится развитие у церковнославянлизмов в русском языке абстрактных и переносных значений, т.е. употребление церковнославянлизмов в рус. речи может до известной степени обособляться от употребления соответствующих форм в самом цсл. языке, и их значения могут образовывать в к в и п о л е н т и ю оппозицию со значениями противопоставленных им русизмов. Это означает, что цсл. формы в рус. языке уже не соотносятся непосредственно с тождественными формами цсл. языка (у которых нет такого сужения значений), но соотносятся прежде всего с контрастирующими рус. формами.

Собственно говоря, только с этого времени можно говорить о церковнославянлизмах как особой лексической категории рус. языка. Ранее усваивались именно цсл. ф о р м ы, которые парадигматически объединялись с соответствующими рус. формами (напр., встречая в рус. тексте цсл. форму, мы вполне можем ожидать, что она при словоизменении превратится в русскую). Теперь же усваиваются лексемы - т.е. слова, а не формы, элементы языка, а не элементы текста.

Если ещё и на этом этапе возможно семантическое влияние цсл. формы на русскую, то оно имеет гораздо более спорадический характер, поскольку осуществляется не через непосредственное соотнесение отдельных лексем (цсл. и рус. языков), а на уровне соотнесения целых языков (цсл. и рус.) - в связи с общим влиянием книжного языка на некнижный, закономерным в условиях диглоссии.

Только после окончательной ликвидации цсл.-рус. диглоссии - превращения её в цсл.-рус. двуязычие, - связанной с процессом эманципации рус. языка, прекращается непосредственное влияние цсл. языка на русский и славянизмы в рус. языке совершенно обособляются семантически, освобождаясь от влияния формально совпадающих с ними лексем цсл. языка.

С этого времени возможно развитие у славянанизмов новых значений (в ряде случаев под влиянием западноевропейских языков, поскольку славянизмы и европеизмы коррелируют как книжные элементы). Ср. характерную для XVII в. отчетливую семантическую противопоставленность формально совпадающих лексем рус. литературного и цсл. языков - иногда доходящую до антонимического противопоставления.

§ 5. Исходя из сказанного, представляется возможным наметить основные этапы в эволюции семантических взаимоотношений цсл. и рус. форм в истории рус. языка. Для характеристики этих этапов удобно воспользоваться схемой, предложенной Т.Н. Кандуровой и демонстрирующей использование лексем глава - голова в значении 'часть тела'.

Первый (исходный) этап характеризуется полным параллелизмом значения цсл. и рус. форм:

	а) У Бога, святого	б) У человека	в) У животного
Книжный язык	голова	глава	глава
Некнижный язык	голова	глава	глава

Второй этап. Влияние со стороны книжного цсл. языка стимулирует проникновение церковнославянанизмов в рус. речь. В результате в некнижном рус. языке здесь появляются синонимичные средства выражения, которые обусловливают здесь дифференциацию значений. При этом значение церковнославянизма на этом этапе относительно стабильно, не подвержено изменению, т.к. поддерживается непосредственной связью со значением соответствующей формы в самом цсл. языке. Напротив, значение коррелирующего с ним русизма свободно изменяется: обычно оно сужается, конкретизируется, уступая те или иные области семантики соответствующему церковнославянизму. Таким образом, значение цсл. формы покрывает значение соответствующей рус. формы, т.е. рус. форма оказывается маркированной в плане содержания: рус. форма имеет конкретное значение, но цсл. форма не имеет при этом

абстрактного. В рамках некнижного языка семантическое противопоставление цсл. и рус. формы характеризуется как привативная оппозиция. Такое соотношение иллюстрируется схемой:

	а) У бога, святого	б) У человека	в) У животного
Книжный язык	глава	глава	глава
Некнижный язык	глава —	глава голова	глава голова

Третий этап. Постепенно в конкретных значениях рус. формы вытесняют свои цсл. дублеты. Соответственно, цсл. форма в рус. речи приобретает значение абстрактности (которое отсутствует, между тем, у соответствующей формы в самом цсл. языке). Таким образом, внутри некнижного рус. языка развивается эквивалентная оппозиция церковнославянизмов и коррелирующих с ними русизмов (вместо привативной оппозиции): значение цсл. формы в рус. языке на этом этапе не покрывает значения соответствующей рус. формы, а ему противопоставлено (по признаку абстрактности – конкретности). Это означает, что церковнославянизмы в рус. языке в известной мере обособляются от соответствующих форм цсл. языка, испытывая, вместе с тем, непосредственное влияние со стороны контрастирующих рус. форм: в рус. речи цсл. форма употребляется, как правило, в своем специфическом значении (по отношению к значению противопоставленного ей русизма). Иначе говоря, значение церковнославянизма в рус. языке может быть получено путем вычитания чисто рус. значения из общего объема значений (совпадающего со значением соответствующей цсл. формы в цсл. языке). Ср. распределение значений на этом этапе:

	а) У Бога, святого	б) У человека	в) У животного
Книжный язык	глава	глава	глава
Некнижный язык	глава —	— голова	— голова

Итак, церковнославянismы отличаются, с одной стороны, более широким и, с другой стороны, более абстрактным значением по сравнению с соответствующими русизмами. Первое качество (широта) определяется взаимоотношением цsl. и рус. языков (ср. соотношение лексемы глава в цsl. языке и лексемы голова в рус. языке). Второе (абстрактность) - взаимоотношением цsl. и рус. форм внутри уус. языка (в связи с развитием абстрактных и переносных значений у церковнославянизмов в рус. языке - ср. соотношение значений глава и голова как слов рус. языка).

Л.М.Устыгова

К вопросу о соотношении книжной и народной лексики в основных списках "Повести временных лет"

I. Зависимость выбора славянизма или соотносительного русизма от тематических особенностей текста неизменно актуальна для каждого привлеченного к исследованию списка "Повести временных лет" (Лаврентьевского, Ипатьевского, Радзивиловского, Московско-Академического, Хлебниковского и Погодинского). Количество соотношение книжно-славянских и народно-разговорных элементов в текстах, отражающих народно-литературный тип древнерусского литературного языка, во всех списках характеризуется довольно широким диапазоном колебаний, обусловленных прежде всего тем, что "Повесть временных лет" как летописный свод несет на себе следы коллективного авторства, охватывающего не только значительный временной отрезок (X - нач. XII вв.), но и огромные просторы Древней Руси (изложение событий, связанных с Киевом, Новгородом, Суздалем, Тмутороканью и т.д.).

2. Свойственный "Повести временных лет" сплав разных языковых стихий с наибольшей степенью наглядности проявляется в фактах совмещения в пределах тесно связанного контекста славянismов и соотносительных русизмов с целью варьирования средств выражения (типа: русь... не имѣть волости купити паромокъ лише по 4 золотникъ... да не имѣть власти зимовать у святого Мары - Л-945, 23; словѣнскъ языкъ и рускимъ синь... языкъ слогорѣльский сб. изъ едино И-898. 29; и пой Володимеръ за Еліну Аелину дъмеръ Осеневу вику а Смѣгъ пой за сына Аелину дъчерь Гиргеневу вику Л-1107, 189/. Примеры подобного совмещения славянismов и соотносительных русизмов широко представлены во всех анализируемых списках "Повести временных лет". Некоторые списки имеют свои особенности использования славянismов и соотносительных русизмов с целью варьирования средств выражения. В Ипатьевском списке, например, отмечена тенденция к более свободному, чем в других списках, варьированию глаголов с приставками пре- и пере-. Особенностью Радзивилловского списка является варьирование славянismов и соотносительных русизмов из числа личных форм глагола хотѣти.

3. Кроме фактов использования в пределах тесно связанного контекста славянismов и соотносительных русизмов, все анализируемые списки "Повести временных лет" отражают также случаи совмещения книжно-славянских и народно-разговорных элементов, как предъ городомъ Р-1096, 137; передъ пещеро Л-1091, 139; рече синь превъяни И-977, 56.

В том, что подобные примеры не являются следствием "недифференцированного употребления", "механического смешения" славянismов и русизмов, а отражают один из принципов отбора языковых средств, свойственный некоторым древнерусским книжникам, убеждает характер выявленных между анализируемыми списками различий типа следующих: и сб володѣя единъ въ Руси И-977, 57 - владѣя единъ И-, 61; бысть глашъ велики въ городе Л-977, 87 - голодъ... въ граѣ И-93; другу моему скочившио передъ пещеро Л-1091, 139 -

предъявлением Р., 121.

Подобные различия отчетливо указывают на то, что выявленная какими-то частными причинами (необходимость соблюдения графико-орфографических правил переноса, реализацией нормализаторских стремлений некоторых переписчиков применительно к отдельным лексемам, ошибкой замены писца и т.д.) замена славянизма соотносительным русизмом включала за собой замену имеющегося в пределах этого же контекста русизма соотносительным славянизмом, т.е. факты совмещения книжно-славянских и народно-разговорных элементов для переписчиков "Повести временных лет" имели какой-то определенный смысл.

4. Сохранение во всех анализируемых списках "Повести временных лет" примеров совмещения в пределах тесно связанных контекстов славянизмов и русизмов свидетельствует о том, что данные списки не претерпели "церковнославянанизации" их языка, т.е. механической "перелицовки" русизмов на церковнославянский лад, так как в условиях "церковнославянанизации" стилистическая "негармоничность" примеров, отражавших соединение элементов различной языковой принадлежности, должна была бы привлечь внимание позднейших переписчиков в первую очередь.

5. Выявленные между анализируемыми списками "Повести временных лет" различия в использовании славянизмов и соотносительных русизмов связаны прежде всего с отождествлением в этих списках некоторых книжно-письменных традиций, свойственных территориально отдаленным скрипториям Древней Руси. Так, текст "Повести временных лет", представленный в списках Ипатьевской группы (Ипатьевский, Хлебниковский и Погодинской списки) отражает, видимо, книжно-письменные традиции новгородских скрипториев. Для этих списков характерно увеличение количества лексем с полиграфическими сочетаниями (ворота, голова, золото, серебро) в документальных летописных рассказах, в составе претендующих на историческую достоверность речей летописце. Члены же пар, различающихся по признаку -ш / -ч-, в списках Ипатьевской группы, в отличие

от списков Йаврентьевской группы, представлены в основном славянизмами, что, возможно, является своеобразной реакцией новгородских книжников на цоканье.

6. В списках конца XIV - нач. XVII вв. отмечено увеличение случаев использования некоторых славянизмов (нечьгась, предатись, похранити, црель, чресъ), вызванное реализацией нормализаторских стремлений позднейших переписчиков "Повести временных лет" применительно к отдельным лексемам.

К. И. Ходова

К вопросу об объеме восточнославянской лексики в древнеславянских переводных памятниках

1. Древнеславянский литературный язык функционировал как общий для южных и восточных славян единый литературный язык с собственными нормами. Этот международный книжный язык был достоянием народов, говоривших на близкородственных языках, и поэтому, в целом, общепонятным. Он включал в свой состав большой слой праславянской лексики, а также "новые пласти лексической общности" (В.В.Виноградов), возникшие в результате исторического взаимодействия славянских языков. Кроме того, этот язык испытал при своем становлении воздействие живых славянских диалектов и вобрал в себя местные особенности, установление которых является важной задачей славистики.

2. А.И.Соболевский, а вслед за ним Н.Н.Дурново высказали мнение, что русскими или предположительно русскими являются более 30 переводных произведений домонгольского периода. А.И.Соболевский (см. "Особенности русских переводов домонгольского периода") опирался при этом на лексические данные, которые не могли быть известными инославянским языкам: 1) слова со специальными значениями: названия должностных лиц, может, мер веса и расстояния, судов, налоговых и проч., известных только на Руси, напр. посадникъ, староста, кохоухъ. 2) слова, заимствованные русскими из других языков: тисунъ, щелкъ, плоугъ, хенъчоугъ и др. 3) названия городов, народов

и т.д., хорошо известных русским, но неизвестных или малоизвестных икнным славянам: Корчевъ, Соудокъ, моуманинь.
4) прочие слова: хвость, глазъ, шдротъ, коверь и др. Сообщены также восточнославянские словосочетания: суряпти
имѣніе, поучитися грамотѣ, поуститись кръвь, дацитигоусы. Список восточнославянских лексических особенностей был затем дополнен А.Д.Григорьевым ("Повесть об Акире Прекрасном. Исследование и тексты". М., 1913), М.Н.Сперанским ("Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности". Пг., 1922), В.М.Истрином ("Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе", т. II, Пг., 1922), Н.А.Мещерским ("История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе". М., 1958). Не подлежит сомнению, что большинство выявленных этими авторами лексем и сочетаний лексем являются восточнославянскими по происхождению. Проделанная работа имеет большую ценность: получены фактические данные о самых первых проявлениях обособленности древнерусского литературного языка.

3. В то же время проверка по современным словарям показывает, что некоторые слова, классифицируемые как восточнославянские, в действительности являются общим древнеславянским достоянием, и язык древнерусских переводов был ближе к языку памятников славянского языка, чем об этом можно было бы судить на основании названных исследований. Так, вабити 'манить' и тобино 'изобилие' известны не только в др.-русских памятниках, но и в Супр., плакити - в Син. евх., корыто и коузынель - в Паримейнике Григоровича XII-XIII вв., дачати (о собаке) - в Супр., Син. ис., льгота 'легкость' - в Христинопольском, Слепченском и Шишатовецком апостолах, людинъ - в Син. евх., моуха - в Супр. и Син. ис., острогъ 'частокол' - в Син. евх., полѣно - в Паримейнике Григоровича, проласть - в Супр. Словосочетание камо ся дѣ, обнаруженное А.И.Соболевским в апокрифическом Ептии Макария Римлянина по списку XI-XII вв., - памятнике древнерусского происхождения, из коллекции Гильфердинга (камо се ѹбо Петър дѣ т.е. 'куда исчез Петр?').

Перспективы изучения лексики старославянских рукописей

1. Ещее столетия цареослависты концентрируют свое внимание на изучении проблем кирилло-методиевских переводов. В связи с этим древние рукописи исследуются преимущественно в плане их стратиграфии, а их лексика рассматривается как некий конгломерат фактов, в различной степени пригодных для решения задач восстановления словарного состава текстов IX в., не дожедших до нашего времени. В результате ретроспективный план изучения сохранившихся старославянских рукописей заслонил "перспективный", т.е. такой аспект исследования языка древних текстов, который имеет уникальное значение для объяснения ряда более поздних языковых явлений, в частности, процессов, характерных для становления и развития славянских литературных языков.

2. Характерны острые дискуссии о степени и формах влияния старославянского языка на тот или иной литературный язык в процессе его формирования и развития. При этом настороживает сближение в лингвистических трудах таких "старославянизмов", которые не только не зафиксированы в языке старославянских рукописей, но (как показывает анализ материала) и не могли употребляться в старославянском языке. В силу установившейся традиции квалификация того или иного слова как старославянского (по происхождению) производится нередко по одной какой-либо внешней его прямете - фонетической особенности, словообразовательному аффиксу или по некоторым другим формальным признакам, а не в результате анализа употребления реального слова в конкретных рукописях.

3. Мы располагаем значительным количеством этюдов, посвященных отдельным старославянским словам, но старославянская лексикология как особый раздел науки о старославянском языке только еще формируется. Дать системное описание лексики старославянских памятников - задача чрезвычайно сложная. Лексика старославянского языка (как и любого другого языка) образует сложную и подвижную структуру, систему систем.

К тому же исследователь словарного состава старославянских рукописей сталкивается с рядом специфических трудностей. Среди них особенно существенны: во-первых, фрагментарность непосредственных данных – число дошедших до нас источников (и количественно, и тематически) ограничено: в настоящее время известно 17 старославянских рукописей X–XI вв. древне-болгарского извода, в которых зафиксировано около 10 000 слов, при этом около четверти из них – гапаксы; во-вторых, отсутствие единой лексической нормы, старославянские рукописи отражают эпоху ее создания, становления. Таким образом, определение реальных взаимосвязей старославянских слов представляет значительные трудности.

4. Создание старославянской лексикологии предполагает ряд предварительных лексикографических и лексикологических трудов. В области лексикологии наиболее актуальными представляются следующие виды исследований. Во-первых, анализ известных старославянских слов по лексико-грамматическим классам с выделением лексем, объединенных общей семантической категорией и словообразовательным формантом. Исследование типов производных слов чрезвычайно важно, так как старославянский язык принадлежит к языкам с ярко выраженной мотивированностью (в нем известно более ста суффиксов и префиксов различной степени регулярности и продуктивности). Анализ мотивированных слов по деривационным группам позволяет сделать ряд наблюдений как частного (о значениях отдельных слов), так и общего характера (о типах и особенностях слов с общим формантом в пределах выделенной семантической общности). Во-вторых, анализ слов, объединенных общим семантическим знаменателем (т.е. общим корнем, выделенным на уровне старославянского языка). Во множестве случаев только такое исследование гапаксов и редкоупотребляемых слов может уточнить значения этих лексем в старославянских рукописях. В-третьих, восстановление слов, которые остались за пределами сохранившихся рукописей, но которые были известны книжникам того времени (имеется в виду лексика, синхронная рукописям X–XI вв., а не кирилло-методиевским

переводам IX в.). Такого рода работы требуют определенных приемов исследования, чрезвычайно тщательного и точного до мелочей анализа сохранившихся слов (особенно производных), так как в число восстанавливаемых должны включаться только такие лексемы, которые могут считаться старославянскими с достаточной долей уверенности. Как показывают уже предварительные исследования, число таких слов велико. Значение этого пласта лексики для сравнительно-исторической славянской лексикологии несомненно.

Л.М.Шакун

Книжнославянская лексика в памятниках белорусской письменности XVI – XIX вв.

Белорусский язык относится к тем славянским языкам, которые в наименьшей мере подверглись влиянию старославянского (книжнославянского) языка. Причину такого явления усматривают в том, что письменность на белорусском языке, через посредничество которой это влияние прежде всего могло распространяться, имела перерыв в своем развитии. Он охватил весь XVI и часть XIX в. и привел к постепенному забвению книжнославянских традиций. В таких условиях белорусский язык не смог впитать в себя сколько-нибудь значительного количества книжнославянской лексики, в особенности такой, которая имеет ярко выраженные формальные отличия (типа неполногласия, звуков ѿ, ѿл и пр.). Но также ограничен в нем объем и других пластов книжнославянской лексики. И хотя лексика с типичными книжнославянскими признаками несколько расширяется в белорусском языке под воздействием русского языка, белорусский язык, не только в его устно-разговорной, но и книжно-литературной форме, широко занимствуя из русского языка элементы разнообразного происхождения, весьма "неохотно" пополняется книжнославянской лексикой. Употребление ее почти невозможно даже в определенным образом стилизованных контекстах. Лексики с книжнославянскими формальными признаками решительно "отторгает-

ся" как самой структурой белорусского языка, так и в следствии воздействия некоторых внешних факторов - особенностей современной белорусской графики и орографии, склонившихся традиций отбора изобразительных средств и пр., и, следовательно, о стилистическом использовании книжнославянской лексики говорить по существу и не приходится.

Ограничения в использовании белорусским языком книжнославянской лексики (в номинативной или стилистической функциях) предопределились исторически, их нельзя рассматривать лишь как результат тех процессов, которыми характеризовалась языковая ситуация в Белоруссии непосредственно в XIX-XX вв. Некоторые существенные закономерности использования книжнославянской лексики, так или иначе проявляющиеся в настоящее время в белорусском языке, сложились в предшествующие периоды его истории, т.е. в эпоху, когда Белоруссия находилась в соседстве Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой (XIV-XVIII вв.).

В силу определенных исторических обстоятельств в старой белорусской письменности не произошло того органического слияния славянизмов с элементами народно-разговорного происхождения, как например, в истории русского литературного языка. Развитие книжнославянского языка и тех форм литературно обработанной речи, которые пытались главным образом за счет народно-разговорных источников, пошло по разным путям, приведшим к четкому отмежеванию славянизмов как лексики сугубо книжной, стилистически маркированной от других лексических групп.

Есть основания полагать, что в народной речи той поры круг лексики с книжнославянскими формальными признаками был шире в сравнении с современным. Памятники деловой письменности, например, последовательно фиксируют некоторые славянизмы в качестве названий реалий из области быта, производства, общественных отношений и т.д., не известные современному белорусскому языку; встречаются они и в других жанрах старой белорусской письменности. Все же в целом славянизмы воспринимались носителями белорусского языка XIV -

XIII вв. как элемент иноязычный, требующий специфического подхода к его использованию.

Стремление утвердить в литературном языке народные начала, которое довольно рано проявилось в истории белорусской письменности, отодвигало на второй план книжнославянский язык. Сфера применения его в Белоруссии, где православие хирело под напором других религиозных течений, начала заметно сужаться, и хотя памятники на книжнославянском языке (в первую очередь религиозно-богослужебные) не исчезли из обихода, литература, оригинальная и переводная, создаваясь преимущественно путем использования таких средств, которыми располагала народная речь. Историки письменности обратили внимание на тот факт, что за большой отрезок времени нахождения Белоруссии в составе Великого княжества Литовского вплоть до середины XVI в. (когда начали появляться религиозно-полемические сочинения) здесь не возникло каких-нибудь оригинальных произведений духовной литературы (на книжнославянском языке). Духовная литература, даже тексты священного писания, в Белоруссии до XVI в. широко переводились на язык народа. Переводчики при этом смело отвергали книжнославянские формы, в некоторых случаях используя индивидуальные новообразования (см., например, в переводе Евангелия, сделанном в конце XVI в. В. Тялинским: боготий, оболокъ, порохъ вместо книжнославянских благий, облако, прахъ и современных белорусских благі, воблака, прах).

Книжнославянская лексика в памятниках неделового назначения (научных произведениях, "виртах", вообще "высокой" литературе) использовалась сравнительно редко и обычно в качестве дублетов к собственному лексическому материалу, поскольку в народной речи, как свидетельствуют данные письменности почти в каждом случае находились соответствующие эквиваленты (исключая, конечно, некоторые разряды слов, обозначающих специальные понятия). Поэтому в оригинальных произведениях, а также и тех, которые переводились с других языков (т.е. не просто размножались путем переписки), она выполняла не столько номинативную, сколько стилистическую функцию — при помощи ее создавались определенные сло-

весные образы, наложение окрашивалось в нужные экспрессивные тона, избегалось повторение слов, изменялась интонация, ритмика высказывания и т.д., стиль описания возвышался и отдался от бытовой речи.

Несколько расширилось использование книжнославянской лексики, как и в целом архаичных средств, в полемических произведениях православных писателей конца XVI-XVII в. Эти писатели, будучи ревностными поборниками "священной" старины, воскрешали, отставая каноны православия, забытые приемы духовного творчества и, нарочито усложняя и арханизуя свою речь, украшали ее славянизмами. Наиболее обильно употреблялись славянизмы в "стандартных" случаях (при оформлении заглавных страниц, предисловий, введений в описание некоторых явлений, при характеристике образов православных деятелей, в трафаретных эпитетах и сравнениях и т.д.). Однако когда писатели-полемисты приступали к изложению конкретных фактов действительности, они отходили от славянизмов, широко обращались к средствам народной речи, к заимствованиям из польского языка. Степень употребления славянизмов и арханизации отдельных полемических произведений разная: она зависела от вкусов и школы писателя.

В памятниках полемической литературы конца XVI-XVII в. довольно отчетливо обнаруживается общее состояние литературного языка того времени: отсутствие единых, последовательно выдержанных норм, широкая возможность стилистического варьирования на основе своеобразного использования языковых изобразительных средств самого различного характера. Возможность эта настолько была неограниченной, что в конце концов приводила к стилистической неупорядоченности. Все же активизация в использовании лексических средств разнообразного происхождения благоприятствовала развитию ораторских и творческих способностей, способов и приемов литературного выражения. Однако для глубокого усвоения белорусским языком книжнославянской лексики в тогдашней действительности условий уже не существовало.

Содержание

С.А.Аверина . К изучению лексического состава переводных древнеславянских житий	3
В.В.Аниченко . О белорусском и украинском типах книжнославянского языка	4
Е.Н.Борисова . О соотношении русской и церковнославянской лексики в смоленской деловой письменности второй половины XVI-XVII вв.	7
А.Н.Булыко . Старославянская лексическая струя в словарном составе старобелорусского языка	9
Е.И.Демина . Проблема соотношения книжной и народной лексики на начальном этапе становления современных славянских литературных языков (типологический аспект)	12
Д.С.Ищенко . Переводы огласительных поручений Феодора Студита и их место в истории литературного языка древней Руси	15
Т.Н.Кайдурова . О некоторых особенностях употребления маркированных русизмов в древнерусских памятниках XI-XIV вв.	17
Л.С.Ковтун . Славянизмы и инославянские слова в русских азбуковниках	20
В.В.Колесов . Лексическое варьирование в древнерусском тексте в зависимости от жанра	23
М.М.Копыленко . О критериях выявления лексического состава раннего древнеславянского языка	27
А.С.Мильзов . Изучение праславянского слоя старославянской лексики	31

Н.А.Мещерский . Лексические и грамматические критерии разграничения памятников древнеславянского литературно-письменного языка русского извода и древнерусского литературного языка (книжно-славянского типа)	34
И.А.Попов . Из истории формирования лексико-семантической группы наречий со значением высшей степени, меры, интенсивности признака, состояния	36
О.Г.Порокхова . К вопросу о генетической связи слов с неполногласием, известных в современных русских диалектах, с церковнославянским языком	40
Б.А.Успенский . К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка	44
Л.М.Устюгова . К вопросу о соотношении книжной и народной лексики в основных списках "Повести временных лет"	53
К.И.Ходова . К вопросу об объеме восточнославянской лексики в древнеславянских переводных памятниках	56
Р.М.Цейтлин . Перспективы изучения лексики старославянских рукописей	58
Л.М.Шакун . Книжнославянская лексика в памятниках белорусской письменности XVI-XVII вв.	60

Подписано к печати 22/УП - 1975 г.
 А-02120 Объем 4 л. л. Тир. 300 экз. Зах. 306
 Офсетное производство типографии № 3
 издательства "Наука"
 Москва, Центр, Армянский пер., 2

50375 RU